

**Проект
«К новому поколению студенчества – через просвещение»**

Открытая гражданская академия

**«МИШЕЛЬ ФУКО -
НЕ ТОЛЬКО ФИЛОСОФ
(ГРУППА ИНФОРМАЦИИ ПО
ТЮРЬМАМ)»**

Лекция Александра Бикбова

**Молодёжная Правозащитная Группа
«Система координат»**

ООО «Владимир-Полиграф»

2008

Издание подготовлено Молодёжной Правозащитной Группой «Система координат» в рамках проекта «К новому поколению студенчества – через просвещение» при поддержке программы «МАТРА» (Посольства Королевства Нидерландов).

Издано при поддержке Молодёжной Правозащитной Группы-Харьков в рамках проекта «Международный Ресурсный Центр «Демократия и Права Человека» (МРЦ): пилотный этап поддержки молодёжных гражданских инициатив (Украина, Беларусь, Россия и другие страны ННГ)» фонда National Endowment for democracy, а также Благотворительного Фонда «Интернациональный проект – Молодежное Правозащитное Движение».

Мишель Фуко - не только философ (Группа информации по тюрьмам). Лекция Александра Бикбова. Открытая Гражданская Академия. – Владимир: ООО «Владимир-Полиграф», 2008. – 66 с.

Общая редакция: Елена Баженова

Составитель: Анна Хромова

Дизайн обложки, вёрстка: Елена Васильева

Корректор: Елена Васильева

В оформлении обложки использована фотография Андрея Максимова (<http://flamber.ru/1209591272/profile/>).

Тираж: 1000 экз.

© Бикбов А.Т.

© МПГ «Система координат».

Содержание

Программа «Открытая Гражданская Академия»	4
Расписание мероприятий	5
Об эксперте	6
Александр Тахирович Бикбов	6
«Мишель Фуко - не только философ (Группа информации по тюрьмам)»	9
Ссылки на текстовые источники	54
Список рекомендуемых фильмов	55
Манифест Группы информации по тюрьмам	57
Об организаторах	58
Молодежная Правозащитная Группа «Система координат» (г. Владимир)	58
Проект «К новому поколению студенчества – через просвещение»	60
Международная Сеть – Молодежное Правозащитное Движение (МПД)	61
Организации по защите прав заключённых	62

Программа ОТКРЫТАЯ ГРАЖДАНСКАЯ АКАДЕМИЯ

Информация о программе

Осенью 2004 года Международная Сеть – Молодежное Правозащитное Движение (МПД) и Свободный Университет совместно с партнерскими организациями начали реализацию новой просветительской программы «Открытая Гражданская Академия».

«Открытая Гражданская Академия» – это серия встреч и открытых лекций ведущих общественных деятелей России и мира с представителями гражданских организаций, Средств Массовой Информации (СМИ) и молодежью.

Цели Программы

- создание пространства для публичного обсуждения актуальных проблем российского общества
- информирование населения регионов о существующих общественных проблемах и подходах к их решению
- привлечение внимания молодежи, СМИ и общественных организаций к актуальным проблемам российского общества и мотивация их на дальнейшие совместные действия по их разрешению.

Структура программы

Программа включает в себя серию визитов ведущих экспертов и общественных деятелей России и мира в регионы для публичного обсуждения актуальных проблем современного российского общества.

В программу полного визита входят:

- *панельная дискуссия* (круглый стол) для представителей неправительственных общественных, студенческих и политических организаций;
- *пресс-ланч* для представителей СМИ;
- *открытая лекция* для студентов.

Сокращенный визит предполагает проведение открытой лекции в студенческой аудитории.

По итогам каждого визита выпускается брошюра, которая содержит полную информацию о визите.

Брошюры распространяются бесплатно среди представителей НПО, СМИ, а также в библиотеки и вузы и доступны на сайте Свободного Университета (www.freeun.ynnet.org).

География программы

«Открытая Гражданская Академия» реализуется на территории Российской Федерации. Базовыми городами являются Воронеж, Нижний Новгород, Владимир и другие города Европейской части России.

Приглашаем к участию в программе студентов, представителей общественных и политических организаций, средства массовой информации (СМИ) и всех, интересующих общественными проблемами.

Дополнительная информация:

Тел.: (4732) 54 55 29,

Факс.: (4732) 54 55 30,

e-mail: freeun@ynnet.org

www.freeun.ynnet.org

394000, Воронеж-центр, а/я 152

Расписание мероприятий

20 мая 2008 года

1. Встреча с аспирантами и преподавателями владимирских вузов, активистами НКО г. Владимира.

Тема лекции: **«Мишель Фуко – не только философ (Группа информации по тюрьмам)».**

18.30 – 21.30

Областной дом работников искусств.

ул. Гоголя, д. 2.

21 мая 2008 года

2. Открытая лекция для студентов-социологов ВлГУ и всех желающих.

Тема лекции: **«Рисунок общества как метод его изучения».**

10.00 – 11.20

ВлГУ, 2 корпус, 216 ауд.

3. Посещение тюрьмы «Владимирский централ».

14.00 – 16.30

ул. Большая Нижегородская, д. 67

Об эксперте

АЛЕКСАНДР ТАХИРОВИЧ БИКБОВ

кандидат социологических наук,
сотрудник редакции журнала «Логос» (Москва),
ассоциированный сотрудник центра Мориса Хальбвакса (Париж),
руководитель исследовательской группы НОРИ

Образование: социолог

Профессиональная деятельность:

1998-2003 – сотрудник Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН;

2003-2007 – преподаватель Российского государственного гуманитарного университета;

2004-2006 – преподаватель Смольного института свободных искусств и наук (СПб);

с 1999 – руководитель неофициальной исследовательской группы НОРИ, с участием аспирантов и студентов социологических факультетов г. Москвы;

с 1999 – переводчик и редактор переводов французской социологической литературы: трудов М. Хальбвакса, П. Бурдьё, Л. Пэнто, Ш. Сулье, Ж.-Л. Фабиани и др.

Публичные, научные и образовательные инициативы:

с 1996 – исследовательский проект «Российская социология 1950-2000 х гг.: познавательные границы и профессиональные структуры»;

1999-2002 – участник российско-французского исследовательского проекта «Эксперты и публичная политика», направление «научная политика 1950-90-х»;

2002 и 2003 – со-руководитель выездных стажировок факультета социологии Французского университетского Коллежа (Москва-СПб);

2002-2005 – исследовательский проект «Социальные логики культурного потребления в современной России»;

с 2003 – исследовательский проект «Восприятие социально-профессиональных иерархий и легитимность социального неравенства в России и Франции»;

2004-2007 – исследовательский проект «Группа информации по тюрьмам: форма политического и интеллектуального активизма»;

2005 – со-организатор зимней школы «Социология образования и культуры» совместно со Спенсеровской программой исследований образования при Европейском университете (СПб);

2005-2007 – участник российско-немецкого исследовательского проекта «Словарь личности: язык философии в контексте культур»;

2006 – организатор международной конференции «Тюремный вопрос: исследование как инструмент борьбы (Россия и Франция, 1970-е и 2000-е)» (Москва), при поддержке Франко-российского центра социальных и гуманитарных наук, журналов «Индекс. Досье на цензуру» и «Неволя», Музея и общественного центра им. А.Сахарова;

– организатор выступления Даниеля Дефера (создателя Группы информации по тюрьмам и первой французской ассоциации по борьбе со СПИДом AIDeS) в рамках «Публичных лекций» в клубе «Билингва»;

2007 – организатор конференции «Современное образование для социальных наук» (Москва), при поддержке общественного движения «Образование — для всех!», Франко-российского центра гуманитарных и общественных наук, Института Верховенства права.

Редактор монографий и сборников:

- Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000 (ответственный редактор перевода);

- Пространство и время в структуре современной социологической теории. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000 (редактор-составитель);

- Бурдье П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003 (ответственный редактор перевода);

- Логос № 3-4, 2004 «Другая история философии» (редактор-составитель);

- Логос № 3, 2007 «Контролируемые нарушения социального порядка» (редактор-составитель).

Избранные публикации:

- Имманентная и трансцендентная позиции социологического теоретизирования // Пространство и время в структуре современной социологической теории. М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000

- Формирование взгляда социолога через критику очевидности (Приложение) // Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2001

- Социальное пространство как физическое: иллюзии и уловки // Отечественные записки, №6, 2002.
- Мораль в политике: насилие над господствующими // Полис, №4, 2002
- Москва / Париж: пространственные структуры и телесные схемы // Логос, № 3-4 2002
- Российская социология: автономия под вопросом (совместно с С.М. Гавриленко) // Логос, № 5-6, 2002; № 1-2, 2003
- Бурдьё / Хайдеггер: контекст прочтения (сопроводительная статья) // Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. М.: Праксис, 2003
- Философское достоинство как объект исследования// Логос, № 3-4, 2004
- Личное дело декана? // Неволя, № 2, 2005
- Институты слабой дисциплины // Новое литературное обозрение, № 77, 2006
- Дискуссия о смертной казни: 1977, обстоятельства, аргументы// Неволя, № 9, 2006
- Функции понятия «гуманизм» в официальной советской риторике // Понятие гуманизма. Французский и русский опыт. М.: РГГУ, 2006
- Борьба против систем наказания как инструмент познания // Неволя, №10, 2006
- Соцфак МГУ: коммерческое предприятие с экстремистским комплексом // Полит.ру, 16 марта 2007 (www.polit.ru/science/2007/03/16/bikbov.html)
- О возможности контролируемого нарушения // Логос, № 3, 2007
- Элементарная феноменология безбилетного проезда // Логос, № 3, 2007
- Тематизация «личности» как индикатор скрытой буржуазности в государстве «зрелого социализма» // Персональность. Язык философии в русско-немецком диалоге. М.: Модест Колеров, 2007.
- *Социальные неравенства и справедливость: реальность воображаемого (рисунки современного общества в России и Франции)* // Логос, № 5, 2007
- «Студенческое восстание обнажило некоторые механизмы и результаты функционирования антиинтеллектуальной империи» (ответы на вопросы о событиях на социологическом факультете МГУ) // Полит.ру, 20 ноября 2007 (www.polit.ru/analytics/2007/11/20/bikbov.html).

«МИШЕЛЬ ФУКО - НЕ ТОЛЬКО ФИЛОСОФ (ГРУППА ИНФОРМАЦИИ ПО ТЮРЬМАМ)»

Елена Баженова (ведущая дискуссии):

Уважаемые друзья! Спасибо, что пришли к нам сегодня. Для меня был очень увлекательным сам процесс приглашения на эту встречу. Дело в том, что года полтора назад мы с Еленой Дудукиной брали интервью для газетты «ДейЛи» у Полины Вахотиной, директора магазина гуманитарной книги «Эйдос». Помню, Полина посетовала тогда, что консервативные владимирцы больше спрашивают классику – книжки из серии «Философское наследие»: Фейербаха, Гельвеция, Николая Кузанского, Вольтера, Монтеня. Современников – Делеза, Бодрийяра, Башляра, – напротив, брать не хотят. Единственным исключением, по словам Полины, является Фуко – его книги раскупают всегда очень хорошо. Так вот, когда я приглашала гостей на эту встречу, моей целью было выяснить – кто же все-таки эти люди во Владимире, которые читают Фуко. Сразу скажу, что нашли мы, вероятно, не всех, но кое-кого нашли. Я тоже покупала у Полины Фуко и, думаю, нам всем здесь собравшимся будет интересно послушать и поговорить об одной странице в биографии Фуко, о которой обычно мало знают, а именно: о его участии в Группе информации по тюрьмам. Тем более мне приятно представить Вам человека, который знает о Фуко, его идеях и его жизни гораздо больше меня – это Александр Тахирович Бикбов, кандидат социологических наук, сотрудник редакции журнала «Логос», руководитель исследовательской группы НОРИ, ассоциированный сотрудник центра Мориса Хальбвакса (Париж), преподаватель РГГУ. Александр Тахирович, Вам слово!

Александр Бикбов:

Я тоже рассчитываю, что нам будет, о чем поговорить. Именно поэтому предпочитаю построить наше общение в виде чередующихся периодов моего монолога и обсуждений с участниками вопросов и тем, связанных с кратким периодом в истории Франции – интеллектуальным и политическим периодом начала семидесятых годов.

В добавление к тому, о чем сказала Лена, хочу также поделиться своим впечатлением от разговора с Полиной Вахотиной. Кроме её замечания о книгах Фуко - что он один из немногих современных авторов, которые пользуются спросом во Владимире - так же симптоматична ее реакция на тему, заявленную для сегодняшнего обсуждения: «А, это про тюрьмы. Ну, это, наверно, неинтересно». В целом эта реакция достаточно характерна и для тех, кто занимается сегодня какой-либо активностью в сфере политики, и для тех, кто связывает свои интересы со сферой культуры. Между тем, рассматриваемый период и, в особенности, феномен Группы информации по тюрьмам, о которой я хочу сегодня рассказать, обладает интересной особенностью. Люди, вовлеченные в интеллектуальное производство, и, как кажется, «чистые» философы, в какой-то момент написали: «Никто из нас не может быть уверен в том, что он избежит тюрьмы». В какой-то момент это опасение вдруг стало для них почему-то очень важным. Они посвятили около двух лет своей жизни работе вокруг института, который обычно никак не ассоциируется с деятельностью институций университетских, интеллектуальных и культурных. Вопрос в том, что это была за инициатива, в каком контексте она развивалась и какое место она занимает в структуре философского и интеллектуального письма, которое большинству из вас, вероятно, знакомо по некоторым статьям, интервью, монографиям Мишеля Фуко.

Прежде чем перейти к изложению и анализу отдельных фактов, вписанных в эту инициативу, и к связи политического действия с интеллектуальным горизонтом Мишеля Фуко, я хотел бы поинтересоваться у вас, в каком качестве вам известны работы этого мыслителя и какой интерес они для Вас представляют. Заодно, если вы представитесь, я с удовольствием познакомился бы с вами лично.

Елена Баженова:

Член координационного совета Молодежной правозащитной группы «Система Координат», доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского государственного гуманитарного университета. В каком контексте я знаю Фуко? Да, это очень сложный вопрос. На самом деле, я очень мало читала Фуко. Как я уже сказала, я читала вот такую же книжечку только под номером 3, сборник политических бесед, интервью и так далее. И еще я начала читать его курс лекций, который прочитан в начале семидесятых, не буду врать в какие годы в Коллеж де Франс, как раз посвященный проблеме ненормальности. Но пока я еще не слишком сильно продвинулась в чтении этих лекций. То есть мои познания достаточно скромны: в основном это из учебников, из какой-то такой литературы около, так скажем.

Цветаева Вера Борисовна:

Доцент ВлГУ, кафедра «Литейные процессы и конструкционные материалы», председатель общественной организации «Киноклуб «Политехник». Я только так, слышала, смотрела, проглядывала какие-то такие книжечки, но подробно с его трудами не знакомилась.

Евстифеев Роман:

Кандидат политических наук. Сфера профессиональных интересов в том числе касается Фуко как мыслителя. Наверно, я один из тех владимирцев, кто покупал эти книги. Достаточно давно – начиная с конца 90-х, когда его начали переводить.

Затолока Татьяна:

Член Международной Сети «Молодежное Правозащитное Движение», молодежной правозащитной группы – Владимир и Киноклуба «Политехник». С Мишелем Фуко знакома в очень скромном объеме, читала политические выступления, но не много. Так что познания мои на эту тему не широки.

Аня Хромова:

Учусь на журналистике, заканчиваю университет. Пробую писать. Имею отношение к киноклубу «Политехник» и МППГ «Система координат». Это во Владимире. С Фуко знакома очень обзорно. Но вот когда прочитала тему лекции, которая сегодня состоится, начала читать книжку «Рождение тюрьмы». До конца пока не успела прочитать.

Инна Марченкова:

В настоящий момент я работаю в агентстве региональных исследований НАРИ, менеджером. В прошлом я преподаватель истории и обществознания. Знания Фуко достаточно поверхностные, но в обозримом каком-то таком варианте, поскольку эти знания были необходимы для профессиональной деятельности. Хотелось бы, конечно, их расширить.

Солоухин Роман:

Работаю помощником депутата. Базовые знания Фуко из учебников социологии.

Щитко Владимир:

Владимирский Государственный Университет, кафедра социологии. Знакомство с Фуко: в свое время осилил половину «Истории безумия в классическую эпоху».

Жильцова Виктория:

Выпускница Владимирского Государственного Университета. Опять же, как и мои коллеги, знакома с творчеством Фуко из базового курса социологии. Кроме того, меня интересует, так как это входит в сферу моих научных интересов, углубленное изучение именно девиантного поведения в работах Фуко.

Жильцов Сергей:

Представитель Центра социологических и маркетинговых исследований «Лира». Поверхностно знаю работы Фуко.

Андрей Ребриков:

Аспирант кафедры государственно-правовых дисциплин ВГГУ. С трудами Фуко не знаком, и считаю, что цель моего пребывания здесь – это расширение кругозора и знакомство с его идеями в данной области.

Полина Вахотина:

Хозяйка будущего и бывшего магазина «Эйдос». А Фуко мы продавали, но только слишком быстро, прежде чем я смогла с ним познакомиться. Это один из немногих философов, который продавался как пирожки. Поэтому пришла из любопытства.

Александр Бикбов:

Спасибо. В таком случае мне, видимо, нужно будет пояснить для тех, кто знаком с работами Фуко поверхностно, может быть, не суть его подхода (такой «сути» не существует, и сам Фуко приложил немало усилий, чтобы остаться неуловимым и неклассифицируемым), сколько некоторые надтекстовые характеристики, которые укажут на место Фуко во французском интеллектуальном пространстве 1960-80-х годов. Это место является определяющим.

Начиная с 66-го года (с момента публикации книги «Слова и вещи»), современники видели в Фуко законодателя интеллектуальной моды, подобно тому, как законодателем моды для предшествующего поколения являлся Сартр. Отношения самого Фуко с Сартром можно было бы описать как интеллектуальное соперничество, во многом замаскированное и сглаженное иным характером интеллектуальных амбиций Фуко. Тем не менее, их сопоставление постоянно присутствует как в оценках современников, так и в последующем историческом (теперь уже историческом) анализе исследователей, с Фуко лично не знакомых и не включенных в интеллектуальную ситуацию 1960-80-х годов.

Определяющая роль Фуко как законодателя интеллектуальной моды связана прежде всего с тем, что его работы отличала, если угодно, максимальная антиконъюнктурность. Он писал свои тексты, не исходя из существующих интеллектуальных трендов, а где-то немного в стороне. И каждый раз, словно случайно, оказывалось, что он на год, два, пять опережал эти самые тренды, тем самым задавая им направление и дальнейшие интерпретации целых областей культурной или политической реальности французского общества.

С середины 1960-х годов Фуко выступает в качестве аналитика культуры. Он активно пишет статьи в качестве критика литературы и искусства, претендуя на структуралистский или постструктуралистский анализ (понятно, что сам он не называл его «постструктуралистским»). Это был уже анализ литературных произведений не в терминах Якобсона и Леви-Стросса. Это была попытка выстроить

собственную систему, в которой эстетическое переплеталось с установками строгой науки.

В «Словах и вещах» Фуко пытается установить некоторые собственные основания производства социальных и гуманитарных форм знания, которые, в конечном счете, определяют, что есть человек. И на протяжении достаточно короткого исторического периода (с XIV по XVIII век) определяет это настолько полно, что человек как целое, в итоге, исчезает, будучи поглощенным этой дифференцированной системой знания. Фуко интересуется, каким образом формируются регионы знания, которые захватывают мир вещей и делают его миром слов. Слов, которые постепенно переопределяют вещи или даже их производят. Это одна из проблем, лежащая в основании так называемого «археологического» периода работы Фуко.

В начале 1970-х слава законодателя интеллектуальной моды прочно закрепляется за Фуко. Проходит достаточно немного времени с момента публикации «Слов и вещей», особенно по меркам российских интеллектуальных ритмов (5-6 лет не такой значительный срок, и это первая серьезная публикация после «Истории безумия в

Фуко интересуется, каким образом формируются регионы знания, которые захватывают мир вещей и делают его миром слов. Слов, которые постепенно переопределяют вещи или даже их производят.

классическую эпоху», которая была его диссертацией по философии), и Фуко уже известен как новая звезда, как тот, кто принял эстафету из рук Леви-Строса – наиболее известного структуриста и изобретателя антропологии как науки (или, вернее, переизобретателя).

Май 1968-го года – это момент, в котором Фуко не участвует. Он проводит это время у приемника, последовав в Тунис за своим компаньоном Даниелем Дефером. Он слушает передачи, которые повествуют том, как студенты разворотили мостовую, стоят баррикады и бросают камни в полицию. Фуко крайне заинтригован происходящим в Париже, но, тем не менее, остается в Тунисе. В тот момент он читает курс в местном университете. Некоторое время спустя после окончания событий Фуко возвращается в Париж – в бурлящий, разбуженный город. И, после относительно короткого периода отсутствия, снова начинает выстраивать свою интеллектуальную жизнь во Франции.

Фуко пишет достаточно много работ по искусству. Целый ряд его критических статей посвящен анализу литературы как искусства. Также он, следуя своему первоначальному интересу к психиатрии, занимается неортодоксальным психоанализом. В частности, его интересуют работы Бинсвангера, к переводу одного из основополагающих текстов которого он пишет свой комментарий. Фуко является в этот период археологом культуры.

В 1975 году интеллектуальный мир Франции оказывается потрясен новым событием – выходом монографии Фуко «Надзирать и наказывать», посвященной тюрьме. В ней Фуко не просто вводит понятие власти, он формулирует такую концепцию власти, которая идет вразрез с господствующими философскими и

политологическими воззрениями. В частности, Фуко отрицает централизованный характер власти, суверенитет и представления о том, что власть является некой энергией, которая распространяется из единого центра и угасает к периферии общества, к периферии социального тела. Фуко формулирует представление о власти как о некоторой подвижной платформе сил.

Еще более эксплицитно он прописывает это в своей последующей работе: в первом томе «Истории сексуальности», появившейся в конце 1970-х годов. Властные отношения, по мнению Фуко, обладают крайней гибкостью и поливалентностью. Они пропитывают социальное целое и взаимоотносятся с точками сопротивления, которые и делают возможным властные отношения; это происходит именно во взаимодействии точек сопротивления и властных отношений как отношений силы, как отношений активных, претендующих на захват, переопределение, переприсвоение. При этом Фуко не говорит, при присвоении и переопределении чего именно. Потому что власть, в отличие от привычных определений, не задается предметно, никакого «необходимого» содержания ей не предпослано. Так происходит конституирование социального порядка. Иными словами, у социального порядка нет какой-то единой формулы, нет единой структуры, которая бы

В 1975 году интеллектуальный мир Франции оказывается потрясен новым событием - выходом монографии Фуко «Надзирать и наказывать», посвященной тюрьме. В ней Фуко не просто вводит понятие власти, он формулирует такую концепцию власти, которая идет вразрез с господствующими

развертывалась непосредственно и бесконечно из единого центра. Власть – это, следуя более поздней формуле Фуко, не более чем общее имя для совокупной тактической ситуации сил в обществе.

В анализе этого момента превращения Фуко из археолога культуры в генеалога власти сломано достаточно много копий. Есть целый ряд исследователей, которые пытаются объяснить эту эволюцию Фуко некоторыми естественными внутриинтеллектуальными причинами. В частности, они указывают на то, что археологический подход Фуко просто себя исчерпал. Исчерпал логически: внутри него Фуко не добился тех целей, которые исходно ставил в своих ранних работах, и поэтому был вынужден перейти к так называемой «генеалогии власти». Генеалогии, как он ее понимает, следуя за Ницше, проникая от настоящего к прошлому, пытаясь понять прошлое через настоящее, установить происхождение тех социальных форм и тех властных аппаратов, которые представляются нам сегодня очевидными через результаты их деятельности. Таков, в частности, подход американских исследователей Дрейфуса и Рабиноу, антропологов, которые сделали немало для распространения работ Фуко в Америке и, более широко, на английском языке.

Если принять такой подход, то можно было бы продолжать читать большинство текстов Фуко чисто теоретически. И наше положение внешних читателей, читателей, не участвующих во французских интеллектуальных дебатах, читателей, не знакомых с конъюнктурой 1970-80-х годов во Франции, как и большинство читателей Фуко в мире, очень к этому располагает. Чаще всего наша позиция – это позиция тех, кто вырабатывает свое отношение к иной реальности через тексты, кто держит в руках

книги, и почти не знает об обстоятельствах, в которых эти книги создавались. В своем исследовании, которое я начал в 2005 году, я ставил задачу понять, что стояло за этим переходом, какими конкретными эмпирическими, биографическими обстоятельствами объясняется обращение Фуко к понятию власти и к тем социальным реалиям, из которых вырастает столь неортодоксальное понимание власти.

В целом ряде биографий Фуко можно найти упоминания о том, что в 1971 году он участвует в создании Группы информации по тюрьмам. В конце 1972 года Группа информации по тюрьмам прекратила свое существование. Короткий период, который с биографической точки зрения можно считать проходным. Именно поэтому в большинстве биографий ему не уделяется достаточного внимания. Если читатель привык читать тексты Фуко текстуально, теоретически, он не может понять, каким образом расположить этот биографический факт в общей интеллектуальной канве,

В своей книге «Надзирать и наказывать» Фуко останавливается на границе XIX и XX веков и не занимается современностью тюрем. Тем не менее, книга производит интеллектуальный фурор не только потому, что в ней содержится новый подход к истории тюрьмы, но и потому, что каким-то образом все читатели почувствовали, что она имеет прямое отношение к актуальности разворачивающихся во французском обществе форм борьбы.

которая отсылает к жизни академического мыслителя, профессора «Collège de France», автора множества увлекательных монографий, которые даже в наиболее радикальном приближении к актуальности едва достигают конца XIX века. В своей книге «Надзирать и наказывать» Фуко останавливается на границе XIX и XX веков и не занимается современностью тюрем. Тем не менее, книга производит интеллектуальный фурор не только потому, что в ней содержится новый подход к истории тюрьмы, но и потому, что каким-то образом все читатели почувствовали, что она имеет прямое отношение к актуальности разворачивающихся во французском обществе форм борьбы. Книга о XVI – XIX веках вдруг почему-то прозвучала очень актуально. Точно такой же эффект возникает при чтении большинства текстов Фуко, которые буквально дышат какой-то невидимой реальностью, несмотря на то, что их понятия и формулировки весьма отвлеченны. Так, например, определение Фуко власти как подвижной платформы сил и тактической ситуации в обществе в целом, которые взаимно конституируются в отношении точек сопротивления, не дает, как кажется, ничего, помимо некоторого интеллектуального парадокса, который вряд ли мог бы звучать столь вызывающе для самого разного читателей и читающих.

При обращении к краткому периоду 1971-1972 года становится понятно, чем дышат тексты Фуко, которые взбудоражили интеллектуальные умы Франции, а затем и всего мира.

Прежде всего (предупреждая развязку или сделав ее более явной) хочу заметить, что именно Группа информации по тюрьмам является ключевым событием в

горизонте письма Фуко. Это то, что не отражено непосредственно в текстах. Фуко не пишет об актуальности тюрьмы. Он почти не упоминает напрямую своей деятельности в рамках этой инициативы. Тем не менее, это тот решающий опыт, в том числе опыт коллективный, в ходе которого Фуко понимает, что такое власть, а власть, в свою очередь, проникает в его тексты.

Из того, что я сейчас услышал от вас, мне стало понятно, что большинству знаком, как раз, с другой, неакадемический Фуко. Особенно тем из вас, кто начал знакомство со сборников интервью и бесед. Получается, что перед вами Фуко предстает в большей мере политическим мыслителем, если не активистом. И если напрямую сопоставлять тексты его политических бесед со стилем «Надзирать и наказывать», контраст может оказаться буквально шокирующим.

Что собой представляет Группа информации по тюрьмам?

Манифест, который Елена Баженова любезно размножила для нашей

Манифест представляет собой достаточно традиционный правозащитный текст с единственной принципиальной оговоркой: этот манифест не говорит о норме. Люди, которые его создали, не пытались отнести реальность тюрем к тому, какими, по их мнению, тюрьмы должны быть и как они должны функционировать. Авторы текста говорят лишь о том, что собираются дать знать о происходящем в тюрьмах.

сегодняшней дискуссии, – это страница текста, которая была отпечатана на ротапринте и распространена в начале 1971 года за подписью трех известных интеллектуалов. Жан-Мари Доменак был в то время редактором крайне известного и новаторского христианско-либерального в своей основе журнала «Эспри». Позицию Мишеля Фуко в интеллектуальном пространстве Франции я попытался кратко обрисовать. Пьер Видаль-Наке – историк античности, который был больше известен во Франции как автор книг о пытках, осуществляемых французской армией во время войны в Алжире. Гражданская позиция последнего, возможно, принесла ему больше славы, по крайней мере, сделала гораздо более известным, нежели его труды как историка античности.

Манифест представляет собой достаточно традиционный правозащитный текст с единственной принципиальной оговоркой: этот манифест не говорит о норме. Люди, которые его создали, не пытались отнести реальность тюрем к тому, какими, по их мнению, тюрьмы должны быть и как они должны функционировать. Авторы текста говорят лишь о том, что собираются дать знать о происходящем в тюрьмах. Именно этот основополагающий момент, каким бы простым он ни казался, во многом определяет направление деятельности и тот социальный и политический успех инициативы, который разворачивается за этим манифестом.

Какие обстоятельства приводят к его появлению?

Во Франции после спада майских событий 1968 года возобновление политической борьбы в форме самого разного рода течений и групп (т.е. повторное создание политических групп и движений) происходит в конце 1969 – самом начале

70-х годов. Одной из самых серьезных сил, производящих наиболее зрелищные уличные акции, наиболее жесткий революционный дискурс в печатных изданиях и листовках, является Пролетарская левая - анархо-маоистская группа или движение, ратующая за пролетарскую революцию и способствующая ей в меру своих сил. В 1970 году группа объявляется вне закона. Она официально распускается Министерством юстиции, и все, кто выступает от лица Пролетарской левой (оказываются под угрозой ареста. Между тем, ее члены продолжают издавать газету, выходят на улицы и, соответственно, попадают в полицейские участки, а затем и в тюрьмы.

Так, во Франции в начале 1970-х годов появляется достаточно обширный слой политзаключенных (несколько сот человек). Это факт, который не слишком известен в новейшей истории. Конспиративное руководство Пролетарской левой (рядовые члены не знают, кто на самом деле является руководителем и каким образом это

На самом деле Группа информации по тюрьмам в том виде, в котором она координируется Даниелем Дефером и целым рядом союзников и участников, представляет собой сетевую структуру, в которой нет четкого членства, которая состоит из множества отдельных тематических подгрупп.

движение управляется) принимает решение о том, чтобы политзаключенные Пролетарской левой устроили голодную забастовку. Первая забастовка не приносит никаких ощутимых результатов, потому что не находит поддержки извне. Руководство движения принимает решение повторить забастовку и привлечь интеллектуалов для поддержки этого события. В числе прочих они обращаются к компаньону Мишеля Фуко – Даниелю Деферу, который вступает в партию и начинает заниматься организацией поддержки политзаключенным этой организации. Он обращается к Фуко, и, к его удивлению, Фуко очень легко и быстро соглашается также участвовать в организации кампании поддержки. Фуко объясняет это тем, что тюрьма уже значилась в его планах, в продолжение исследований психиатрической клиники и госпиталя как форм заточения.

Уже в феврале 1971 года за подписью трех известных интеллектуалов Франции выходит рассматриваемый нами манифест. Если мы ограничиваемся только манифестом, можно посчитать, что это вполне традиционная инициатива, которая попадает в общий ряд организаций с отчетливым руководством, с центром власти, из которого эта власть распространяется и производит мобилизацию, и которая действует, делая основную ставку на представительство, т.е. на попытку говорить от лица группы, оказавшейся в шатком или опасном положении и преследуемой властями. Между тем ситуация прямо противоположна этой привычной модели политической организации. На самом деле Группа информации по тюрьмам в том виде, в котором она координируется Даниелем Дефером и целым рядом союзников и участников, представляет собой сетевую структуру, в которой нет четкого членства, которая состоит из множества отдельных тематических подгрупп. Каждая из этих подгрупп работает с какой-то из тюрем. С женской тюрьмой работает подгруппа, которая затем эволюционирует в сторону более радикального феминизма. К одной

из центральных тюрем начинает присматриваться подгруппа университетских социологов, работающих анонимно в составе Группы информации по тюрьмам, которым тюрьма интересна в том числе как предмет социологического исследования. Но помимо интеллектуалов, которые, за редким исключением, не связаны тюремным вопросом лично, в Группу информации по тюрьмам привлекаются те, с кого Фуко впоследствии сделает портрет «специфического интеллектуала», кто работает с тюрьмой или в самой тюрьме. Это прежде всего адвокаты, которые настроены крайне критически к существующей во Франции системе правосудия и уже имевшие опыт сотрудничества с Фронтом национального освобождения, борющимся за свободный Алжир; это тюремные врачи, далеко не единодушные в негативном отношении к заключенным пациентам; это тюремные социальные работники. И, что еще более неожиданно для подобного рода инициативы, это семьи заключенных, а впоследствии и бывшие заключенные, которые покидают тюрьмы после кратких

И задача этой организации не в том, чтобы сформулировать некую четкую платформу (политическую, идейную или познавательно-критическую), которая позволила бы переопределить, захватить тюрьму, отнять ее у господствующего режима, и заново вбросить в критические дебаты уже в форме теоретического текста. Речь идет о том, чтобы позволить выйти знанию о тюрьме, которое формируется внутри нее, за стены тюрьмы и тем самым произвести освобождающий эффект.

сроков наказания и присоединяются к Группе.

Таким образом, в составе одной структуры (которая не является структурой в жестком смысле этого слова, структурой сколько-нибудь юридически оформленной, но именно сетью коммуникации и сетью по производству знания) представители самых разных интеллектуальных профессий, имеющих или не имеющих отношение к тюрьме, лично встречаются с теми, кто не имеет никакого отношения к интеллектуальному производству, но является естественным носителем знания о тюрьме. И задача этой организации не в том, чтобы сформулировать некую четкую платформу (политическую, идейную или познавательно-критическую), которая позволила бы переопределить, захватить тюрьму, отнять ее у господствующего режима, и заново вбросить в критические дебаты уже в форме теоретического текста. Речь идет о том, чтобы позволить выйти знанию о тюрьме, которое формируется внутри нее, за стены тюрьмы и тем самым произвести освобождающий эффект. Собственно манифест, который опубликован в начале 1971 года, уже содержит в достаточно ясной и достаточно четкой форме эту перспективу: «Мы не собираемся реформировать тюрьмы, мы не собираемся отбить тюрьмы у государства, мы собираемся дать голос тем, кто узнал тюрьму изнутри».

Столкновение самых разных сред внутри одной группы, перекрестные обсуждения и попытка выстроить эффективную тактическую работу, которая была бы почти мгновенным ответом на происходящее в тюрьмах, приводит к тому, что Группа информации по тюрьмам не просто реагирует на то, что происходит в тюрьмах: она начинает работать с опережением, сообщая в своих листовках о событиях, о которых еще не знают даже в Министерстве юстиции. Если об изменениях внутреннего распорядка в какой-то из тюрем, факте заключения в карцер, избияния заключенного становится известно два или три месяца спустя, с этим уже

ничего нельзя сделать. Группа ставит перед собой задачу реагировать мгновенно, получая сведения через любых посредников, включая адвокатов, врачей, социальных работников, психологов, которые имеют доступ к камере. Они собирают информацию и сообщают в анонимной форме о происходящем в стенах тюрьмы. Они также собирают (это принципиальный момент) информацию через опросники, составленные подгруппой социологов, где сами заключенные пишут о происходящем в тюрьме. Пишут о повседневных, конкретных фактах: «Меня обыскивают каждый раз, когда я выхожу в коридор»; «Мне не разрешают свидания с женой, а если разрешают, то я не могу пользоваться положенным правом на уединение» и т.д. Они пишут о множестве самых банальных фактов, которые никогда не покидали стены тюрьмы, и которые являются одновременно и предметом стыда, когда об этом говорит сам заключенный (и именно поэтому они чаще всего не произносятся), и предметом цензуры, потому что с официальной точки зрения стены

То, что производит Группа информации по тюрьмам с формальной точки зрения можно квалифицировать как нелегальные действия или нарушения. Но это нарушение сознательное. Его делают возможным, снабжают его кредитом доверия подписи трех известных интеллектуалов под анонимными свидетельствами заключенных.

тюрьмы должны быть совершенно закрыты для внешнего наблюдателя. Ни в прессу, ни в какие-либо иные открытые источники такая информация попадать не должна.

То, что производит Группа информации по тюрьмам с формальной точки зрения можно квалифицировать как нелегальные действия или нарушения. Но это нарушение сознательное. Его делают возможным, снабжают его кредитом доверия подписи трех известных интеллектуалов под анонимными свидетельствами заключенных. Эти люди сами не пишут о происходящем в тюрьмах, не говорят о том, какой должна быть тюрьма, не пытаются предложить идею хорошей тюрьмы, а просто удостоверяют своими репутациями, что все сказанное заключенными в самом деле сказано заключенными и соответствует положению дел. Они подтверждают, что унижение в тюремных больницах, насилие персонала тюрем над заключенными, жесткое подавление любого недовольства, - все это имеет место в действительности. Они ставят на кон свои репутации.

Столкновение с другим социальным слоем, с выходцами из тюрем, с семьями заключенных, а также с теми, кто покидает стены тюрем, производит порой самые неожиданные эффекты. Собрания в какой-то момент ведутся в квартире Фуко (на тех же диванах, в том же пространстве, в котором Фуко ведет свои интеллектуальные штудии). Между полок с книгами рассаживаются люди, не просто не привыкшие к таким интерьерам, перегруженным книгами, но и к посещению тех кварталов, в одном из которых расположена квартира Фуко. Даниэль Дефер рассказывал о том, что когда в первый раз он открыл дверь и впустил представителей семей заключенных в квартиру, те воскликнули: «Надо же какие времена настали! Теперь буржуа открывают нам двери». Это анекдот, но он довольно тонко характеризует

атмосферу этих встреч, где основной задачей была не попытка научить заключенных или их семьи тому, что нужно делать. Смысл состоял в том, чтобы принять носителей спонтанного знания и попытаться выявить в этом знании то, что взорвало бы стены тюрем, но также просто поколебать эти стены самим фактом выхода наружу, фактом публичности, которая доселе была недоступна в отношении этой машины порядка, неотделимого от насилия.

Собственно, на этих встречах, в этих обсуждениях, в этом опыте, который был столь шокирующим и насыщенным для Фуко и его интеллектуальных соратников, начинает формироваться представление о власти, которая имеет своим предметом тело. Тело – это открытие первой половины 1970-х годов. Еще в мае 1968 года тело не существует как самостоятельный объект борьбы. В лозунгах, которые пишутся на стенах Сорбонны, можно встретить удовольствие, ярость, можно встретить целый спектр телесных состояний, одновременно чувственных и в собственном смысле

Интеллектуал - это уже не тот, кто рассказывает непосвященным о чем-то, что известно только ему одному, потому что он продвинулся на шаг вперед. Интеллектуал - это не тот, кто разоблачает власть там, где его нет, с тех позиций, на которых он недоступен для власти, и который предполагает, что может судить те или иные формы применения власти или ее злоупотребления

физиологических, но вряд ли можно увидеть тело, которое требует освобождения. В начале и середине 1970-х тело становится одной из тем интеллектуальных дебатов, но прежде всего оно становится новым предметом, приобращенным благодаря доступу к тем сферам, которыми раньше ни активисты, ни интеллектуалы не интересовались. Тюрьма становится местом, где можно обнаружить тело и операции власти над телом в их наиболее проявленной и наиболее циничной форме. Это дает Фуко основание для того, чтобы говорить о власти и о теле как о некоторой парной связке. Затем, как можно видеть в «Надзирать и наказывать», она становится тематической связкой, через которую пропускается исторический материал гораздо более обширный, нежели тот который Фуко получает непосредственно в период участия в Группе и который, как раз, в отличие от исторических данных, не входит в книгу.

Этот опыт привносит целый ряд открытий, которые (если мы об этом опыте знаем) прочитываются уже совсем не теоретически. Вот, например, одна из самых знаменитых бесед между Фуко и Делезом (один из самых знаменитых устных текстов Фуко) - «Интеллектуалы и власть». Здесь Фуко с Делезом беседуют о том, как надо понимать современную роль и место интеллектуалов. Интеллектуал – это уже не тот, кто рассказывает непосвященным о чем-то, что известно только ему одному, потому что он продвинулся на шаг вперед. Интеллектуал – это не тот, кто разоблачает власть там, где его нет, с тех позиций, на которых он недоступен для власти (имплицитно Фуко критикует позицию Сартра, который принимает эту моральную позу), и который предполагает, что может судить те или иные формы применения власти или ее злоупотребления (а Сартр участвует в практике народных

трибуналов). Концепция, которую обсуждают Фуко с Делезом (Делез также принимает участие – более спорадическое – в Группе информации по тюрьмам) впоследствии однозначно связывается с представлением о специфическом интеллектуале.

Это такой интеллектуал, который открывает властные отношения в собственной сфере деятельности и интерпретирует свои собственные действия как один из инструментов, один из способов отправления власти. Это определение создает ощущение почти клаустрофобическое. Интеллектуал, который должен анализировать то, что он делает в момент, когда он делает это, зная, что, делая это, он отправляет власть. Это парадоксальное определение, и одновременно это крайне притягательное, как многое из сказанного Фуко: из-за ощущения того, что тексты дышат реальностью, несмотря на то, что полны парадоксами. Эти парадоксы не пусты, они не являются логическими. Если мы правильно понимаем, о чем говорят Делез с Фуко, то мы можем прочитывать этот текст уже совсем не как таинственный эзотерический манифест новой теории власти. На самом деле речь идет о Группе информации по тюрьмам, и в записи это слышно еще лучше (запись хранится во Франции, в архиве Института памяти современных издательств, где хранятся также архивы интеллектуалов XX века; запись гораздо более длительна, и для публикации из нее были отобраны лишь некоторые фрагменты). Если восстанавливать запись или даже если не восполнять эти упущенные фрагменты, но понимать, что Фуко с Делезом обсуждают свой опыт участия в Группе информации по тюрьмам, становятся понятными, прозрачными целые пассажи, которые до этого кажутся некоторым герметическим теоретизированием с непонятными переходами. Когда Фуко и Делёз говорят об интеллектуалах, которые открывают власть в том месте, где сами эти интеллектуалы отправляют свою деятельность, которая и является формой власти, они говорят прежде всего об адвокатах, о тюремных воспитателях, о медиках, которые участвуют в Группе информации по тюрьмам и, будучи не согласны с действующим тюремным режимом, критикуют его, сообщая факты своей деятельности, в которой они продолжают участвовать. Надо сказать, что единственный, пожалуй, наиболее громкий случай исключения из профессии из-за деятельности в Группе информации по тюрьмам — это случай тюремного врача, который осмелился подписать своим именем свидетельство о том, каким образом обеспечивается медицинский, врачебный порядок в одной из тюрем. Это свидетельство не могло быть опубликовано в официальной печати - об этом даже не шла речь. Оно не могло быть опубликовано как газетная статья: несмотря на свободу слова, газеты боялись подобного рода публикаций. Что делает Группа информации по тюрьмам? Они скидываются, покупают рекламное место размером в целую полосу, если я не ошибаюсь, в газете «Монд» и публикуют на этой купленной рекламной площади признание доктора о происходящем в тюрьме. Затем, во время манифестации в поддержку заключенных, Фуко озвучивает это свидетельство, тем самым, подкрепляя своим авторитетом слова тюремного медика. Специфический интеллектуал, о котором говорят Фуко и Делез – это один из типажей, участников Группы информации по тюрьмам.

Точно так же гораздо более понятными становятся некоторые переходы, которые присутствуют в этой беседе. Например, перескоки в репликах Фуко или Делеза, когда они начинают с Ницше и заканчивают тюрьмами. У Делеза общая манера построения реплик такова: сначала он говорит о чем-то так, как если бы речь шла о теоретическом понятии. Например: «Нужно понимать власть как...» Затем неожиданно для российского читателя (для любого читателя, находящегося на некотором отдалении от внетекстовых условий порождения этого текста), вдруг

выскакивают какие-то какие-то бунты в тюрьмах, условия содержания, т.е. что-то непонятное. На самом деле, все укладывается в обсуждение очень конкретных опытов собственной работы, личного участия. Магический эффект сугубо теоретического текста, привлекательного в своей легкой необъяснимости и эзотеричности, возникает за счет редактуры и за счет изыятия из практического контекста самой беседы.

Целый ряд конструкций, которые Фуко впоследствии использует в описании властной механики, он заимствует либо из свидетельств заключенных и специфических тюремных интеллектуалов, которые аккумулируются в Группе информации по тюрьмам, либо из той рефлексии, которую он производит в отношении этого опыта. Этот опыт, ещё раз повторю, официально начинается в феврале 1971 года, неофициально готовится с конца 1970 года.

Одновременно с этим Фуко начинает писать книгу о тюремных распорядках и об истории тюрьмы. Пишет очень внимательно и скрупулезно. Обычно он пишет книгу в два этапа, создавая две рукописи: одна – это многостраничные предварительные заметки и наброски, которые затем уничтожаются. Затем, с чистого листа, Фуко начинает уже первую версию финального текста. На написание двух таких мало связанных друг с другом рукописей у него обычно уходит год или полтора. Между 1970 и 1975 годами, когда в свет выходит «Надзирать и наказывать», проходит пять лет. При этом Фуко не отрицает, что он пишет книгу. Но он нигде не говорит о ее содержании, не анонсирует ее, ни с кем не обсуждает. Почему? Потому что уже в начале деятельности Группы информации по тюрьмам в адрес Фуко слышатся упреки в том, что он затеял это только для того, чтобы лучше понять, как же на самом деле функционируют аппараты власти, т.е. он занялся активизмом как формой исследования. Что он хочет использовать заключенных, чтобы лучше понять, как функционирует власть. Во многом именно из-за этих упреков он не публикует свою книгу ни в 1972 году, когда Группа информации по тюрьмам уже распущена, ни в 1973, ни в 1974. Долгий период ожидания связан не с вызревaniem концепции (она формируется достаточно быстро, и по целому ряду интервью того периода можно видеть, что эти конструкции уже схватывают опыт, уже дают ему предварительную концептуальную форму и уже, в некотором смысле, намечают ту модель анализа, которую Фуко затем применяет в «Надзирать и наказывать»). Он опасается, что будут неверно поняты цели и задачи его участия в Группе информации по тюрьмам. Он не хочет, чтобы заключенные, в пользу которых и в пользу знания которых он боролся, решили что он, в самом деле, воспользовался этим опытом для написания очередной книжки.

Вот то, что я хотел сказать в начале нашей встречи. Я наметил лишь общие контуры связи между интеллектуальным и активистским опытом Фуко, которые позволяют понять, какую роль активистский опыт, будучи невидимым в теле письма, играет, тем не менее, в придании ему формы, о чем идет речь в его текстах, чем дышат его парадоксальные и порой абстрактные определения. И прежде чем обратиться к активистской и акционистской перспективе Группы информации по тюрьмам, о которой я уже начал немножко говорить, я бы хотел услышать от вас какие-то реакции, вопросы, может быть, какие-то критические замечания.

Полина Вахотина:

А что, собственно, плохого было бы в том, если бы человек использовал опыт заключённых для написания своей книги? Это какое-то очень крамольное обвинение?

Александр Бикбов:

Это решающим образом подорвало бы кредит доверия к инициативе, потому что она выстраивалась таким образом, что имена крупных интеллектуалов гарантировали истинность показаний, свидетельств.

Полина Вахотина:

Но ведь логично, что раз они интеллектуалы, то будет написана книга, т.к. интеллектуалы после своего опыта всегда пишут книги.

Александр Бикбов:

Это нормально для интеллектуалов, но, возможно, не для заключённых, которые почувствовали бы себя использованными. В этом смысле деликатность Фуко была очень выверенной.

Андрей Ребриков:

У меня есть вопрос. Может быть, вы об этом уже говорили. Он изучал вопрос, связанный с властью? Он как-то по-особому её понимал? Отделял ли он её от государства? Или считал, что государство и власть – это одно и то же?

Александр Бикбов:

Давайте я ещё раз уточню формулировку, которую Фуко предлагает для описания специфики власти. Фуко явным образом критикует представление о власти как о государственном суверенитете. Власть не исчерпывается государством. Государство не является основной машиной по распространению власти. Более того, Фуко критически относится (и объясняет почему) к определению государства как источника некоторых социальных образцов, которые производятся путём нацеленного властного воздействия из одного центра. Фуко определяет власть как общую стратегическую ситуацию, отношение сил в данном обществе. Это некий ансамбль сил, присутствующих повсюду, формирующих социальный порядок не только в публичных пространствах, но и каждом глухом закутке. Если угодно, власть – это пребывающая в постоянном движении система отношений, в которых

постоянно нечто воспроизводится. Фуко постоянно уходит от конкретного названия, что есть это нечто, чтобы не банализировать своё определение. Власть – это не отношение сил, например, только между государством и подданными, это не отношение сил только между учителем и учеником, это не отношение сил только между родителем и ребёнком. Это отношение сил. И во всех случаях, где мы обнаруживаем некое соотношение сил, мы можем говорить о власти. Именно поэтому в качестве очагов власти Фуко анализирует не столько государственный аппарат (он скорее полностью уходит от его анализа), сколько фабрику, семью, тюрьму, казарму, т.е. места, которые держатся на некотором балансе сил, который может принимать форму насилия, а может и не принимать.

Виктория Жильцова:

У меня такой вопрос, касающийся тюрем. Вы не раз говорили о том, что Фуко боялся быть обвинённым в использовании заключённых в своих целях. А не возникало ли такого вопроса, что он мог быть не пользователем, а использованным, т.е. посредством него информация, не всегда достоверная, могла выливаться в свет. Если носителем информации являются работники тюрем, т.е. как медицинские сотрудники, надзиратели, так и сами осуждённые (я не знаю терминологии, которая сейчас принята, понятие «заключённый» в РФ не употребляется, поэтому я буду говорить «осуждённый»), то осуждённые могли давать информацию, заведомо ложную: «Да, нас обыскивают, нам тяжело».

Полина Вахотина:

Заговор заключённых, думаете? Они нашли Фуко и решили использовать?

Виктория Жильцова:

Нет, нет, нет! Но если у меня появляется шанс написать о своих проблемах, я, совершенно не задумываясь...

Полина Вахотина:

А зачем? Вообще могут по шее дать.

Виктория Жильцова:

Я сама согласна! Но я отстаиваю немножечко не мою точку зрения... Я здесь пока придерживаюсь нейтралитета. Приведу пример из современности, если позволите. Случаи, близкие к нам, когда было выиграно два дела в Европейском суде по правам человека против России. Два дела осуждённых на лишение свободы. Одно было начато самим осуждённым, другое его отцом, т.к. осуждённый покончил жизнь самоубийством. Само собой всё это было инициировано более властными криминальными структурами. Поэтому я и говорю о том, что мог быть факт недостоверности информации, не потому что Фуко её как-то пытался переделать, а потому что она изначально была ложной.

Александр Биков:

Вопрос достоверности/недостоверности информации перед участниками Группы информации по тюрьмам просто не стоял. Во-первых, по той причине, которую уже озвучила Полина: коварные преступники, использующие Фуко и Видаль-Наке в своих целях — смехотворная картина. Во-вторых, возврат тех же заполненных опросников, которые были запущены в тюрьмы Группой, был очень невелик. Многие опасались просто прикоснуться к перу и бумаге. Те же, от кого удалось получить какие-то сведения, не имели целью дискредитировать французскую тюрьму. Опросник был построен, ещё раз повторю, на очень банальных фактах. Заключённых даже не спрашивали, плохо ли им или хорошо, удовлетворены ли они условиями

или нет. Их спрашивали, что происходит в момент свидания, что происходит в момент приёма пищи, спят ли они при свете или могут выключать свет и т.д. И в этом смысле той ценностной нагрузки, которую вы готовы заподозрить, здесь не было. Заключённый мог, вероятно, каким-то злокозненным образом додуматься, что ему надо туда вписать, чтобы правильным образом повлиять на Фуко и других участников Группы информации по тюрьмам, но это было бы очень трудно ещё и потому, что речь не шла о том, чтобы как-то влиять на администрацию тюрем...

Виктория Жильцова:

На общественность, ни в коем случае не на администрацию тюрем, а на общественность.

Эти свидетельства были анонимными. Конкретному заключённому, который посылал эти сведения, было не на что рассчитывать. Здесь действительно была поставлена задача, очищенная от любого возможного утилитарного злоупотребления: дать информацию о том, что происходит в стенах тюрьмы.

Александр Бикбов:

Эти свидетельства были анонимными. Конкретному заключённому, который посылал эти сведения, было не на что рассчитывать. Здесь действительно была поставлена задача, очищенная от любого возможного утилитарного злоупотребления: дать информацию о том, что происходит в стенах тюрьмы. И другой важный момент. Для всех членов Группы, включая Фуко, было принципиально важно, что это именно заключённые, а не осуждённые, т.е. люди в отношении которых не ставится вопрос о справедливости/несправедливости их поступков. Это люди, которых держат в пространстве тюрьмы. И они заключены не просто в стенах, но в таких отношениях власти, которые делают это заключение невыносимым, вне зависимости от состава преступления.

Кристина Лихачёва:

Я хотела спросить о понимании Фуко сущности интеллектуала. Оно изменилось или нет? Просто вы говорили про диалог с Делёзом, в котором они обсуждают этот вопрос.

Александр Бикбов:

Несомненно, здесь существует достаточно ясная связь. До опыта участия в Группе информации по тюрьмам Фуко явным образом не формулировал определение интеллектуала. Возможно, если искать какие-то предвосхищающие знаки этого определения в его попытках обозначить свое отличие от интеллектуала по образцу Сартра, мы эти знаки, эти предвосхищения обнаружим. Но в том ясном виде, как в беседе с Делёзом, определение было сформулировано именно после опыта участия в Группе информации по тюрьмам. Вы потом откроете текст «Интеллектуалы и власть» и увидите, что они явным образом Группу упоминают, т.е. речь идёт именно об опыте участия в Группе. Но парадоксальным образом этот опыт совершенно не заметен, когда читаешь данный текст, не имея в виду Группу информации по

тюрьмам. В частности, российские переводчики, которые работали с французским текстом, неточно перевели, т.к. не поняли, о чём идёт речь. Они переводили этот текст как чисто теоретический. Это довольно сильный эффект. И это довольно характерный момент, который объясняется не нашей глупостью, не нашей некомпетентностью, так скажем, внутренне присущей нашему прочтению, но прежде всего тем, что мы имеем дело с текстом, вырванным из контекста. И как только мы его возвращаем в контекст, оказывается, что он обладает совсем иным смыслом, или, вернее, дополнительным смыслом, который переворачивает наше восприятие «чисто теоретических» вопросов.

Думаю, что опыт Группы информации по тюрьмам был решающим для того специфического определения интеллектуала, которое впоследствии стало визитной карточкой Фуко.

Роман Евстифеев:

У меня возникло такое ощущение после вашего рассказа, что он действительно использовал заключённых, вернее эту уникальную ситуацию. Издание книги в данном случае не имеет решающего значения. Важно то, что он использовал эту ситуацию, но использовал совсем не подло и нормально. Исследователю представился уникальный шанс узнать о том, о чём он в своей исследовательской деятельности не смог бы узнать никогда, шанс получить определённые политические дивиденды, хотя для него это не было приоритетным. Но вот то, что он получил серьёзные исследовательские и научные дивиденды, отрицать нельзя. Он включился в эту игру во многом с целью увидеть уникальный материал. После того, как вы пояснили, что это были за опросники, стало понятно, что это было нормальное социологическое исследование, которое позволило Фуко получить материал, который до него никто не имел. Вообще это здорово. Для этого можно и пострадать. Это определённый прорыв, после этого опыта стали немножко по-иному рождаться его концепции, потому что это для него огромный опыт с пользой для самого себя, если можно так сказать о Фуко. У меня такое ощущение, что ему повезло. Он согласился играть в эту игру и получил большую, на мой взгляд, пользу, чем заключённые. Так получилось, что он выиграл в этой игре.

Александр Бикбов:

Он, несомненно, выиграл, но не в том, что воспользовался некоторым критическим объёмом уникального материала. Я тоже сначала думал, что Группа информации по тюрьмам получила уникальный материал в достаточном объёме, чтобы делать эмпирические обобщения. Когда я с подобной наивной констатацией обратился к Даниелю Деферу, тот ответил: «Нет-нет. Мы этого нигде не афишировали, но на самом деле нам вернули 20 заполненных анкет». Но они действительно очень хорошо воспользовались ими! Этот материал, может быть, не был внушительным по объёму. Это были не 20-ти страничные тетрадки, в которых заключённые подробно писали бы о своей жизни. Речь шла скорее о некотором будоражающем акте доступа к тому, что всегда было закрыто и что сопровождалось совершенно отчётливым ощущением нелегальности.

С другой стороны - и это принципиально для Фуко - это не было случайностью, чем-то, что ему «перепало». Он особенным образом пережил истину этого опыта. И для того чтобы пережить её так, как её мог пережить только он, он её сконструировал, он переоткрыл условия переживания этой истины. В частности, он сконструировал целый ряд механизмов, которые оказались доступны не только ему. То, каким образом Группа информации по тюрьмам была устроена (в отличие от тех же самых ячеек Пролетарской левой, от целого ряда радикальных левых

организаций того времени), указывает, что Фуко намеренно разорвал с наиболее типичными моделями производства политической истины, чтобы добиться совсем другого эффекта. И этот поворот себя к определённого типа истине, создание целого инструмента, целого публичного аппарата, который позволяет удержать эту истину - это, конечно же, не шанс, это в том числе и очень серьёзная интеллектуальная и практическая работа, которую Фуко совершил совместно с остальными членами Группы. И здесь чрезвычайно важно, что его определения власти или пассажи из бесед с Делёзом в отношении интеллектуала, которые я цитировал, воспроизводят даже не опыт заключённых, а опыт самой Группы информации по тюрьмам. В понимании власти как подвижной платформы сил, точки сопротивления внутри которой конститутивны для отношений сил, в отсутствии центра, где была бы сосредоточена власть - это очень хорошо узнаваема структура Группы информации по тюрьмам, которая не имела руководства, была сетевой распределённой структурой, членство в которой было очень плавающим, зыбким. При этом сама Группа функционировала на решающих вкладах вот таких вот зыбких, спорадических участников. Таким образом, говоря о власти вообще, Фуко на самом деле говорит во многом о Группе информации по тюрьмам.

Роман Евстифеев:

Можно высказать ещё одну мысль? У меня есть также ощущение, что атмосфера работы в этой Группе – это натуральные 70-е годы. То, что тогда было возможно, интересно и воспринято, сегодня уже абсолютно не представляется реальностью. Причём, по-моему, можно найти параллели и с тем, что происходило в других странах, в том числе в Советском союзе. Налёт 70-х гг. очень хорошо чувствуется. Мне кажется это плод именно 70-х годов, тех лет.

Александр Бикбов:

С одной стороны, это так. С другой стороны, очень многие практические рецепты Группы информации по тюрьмам были затем использованы Даниелем Дефером в 84 году, после смерти Фуко, для создания Ассоциации борьбы против СПИДа.

Роман Евстифеев:

Но согласитесь, что это несколько иное, чем Группа информации по тюрьмам. СПИД. Уже совсем другая стилистика.

Александр Бикбов:

Несомненно, есть события, которые делают эпоху. Не годы определяют эпоху, а событийный ряд делает семидесятые семидесятыми. Но принципы, лежащие в основе этих событий могут быть перенесены в последующий опыт. Важно, что вот эта сетевая структура, неофициальное, распределённое участие и, скажем так, объединение вкладов всех, кто готов вкладывать, попытка их трансформации и агрегации в публично значимые события - это та форма, которая была нащупана в Группе информации по тюрьмам и которая затем была реализована, снова с большим успехом, во Франции 80-х. Когда Даниэль Дефер приезжал по моему приглашению в 2006 году на конференцию об информации по тюрьмам, я также устроил ему выступление в московском клубе «Билингва», где проходят публичные лекции. На сайте Полит.ру есть текст его лекции, которая называется «Трансфер политических технологий». Он рассказывает там очень интересные подробности этого переноса. Перевод, к сожалению, не всегда точен и порой стыдлив, но он даёт представление о том, каким образом эти рецепты были заново пущены в публичную работу.

Елена Баженова:

Я просто хотела уточнить. Роман Владимирович, вы имеете в виду, что он сыграл в эту игру как интеллеktуал наряду с какой-то ещё активистской целью, которая у него была, или же вы думаете, что у него вообще не было никакой цели, кроме как сделать своё исследование?

Роман Евстифеев:

Не то чтобы активистской цели. Насколько я понимаю, у многих интеллеktуалов есть чувство долга, чувство, что они должны кому-то. У Фуко оно, мне кажется,

Несомненно, есть события, которые делают эпоху. Не годы определяют эпоху, а событийный ряд делает семидесятые семидесятыми. Но принципы, лежащие в основе этих событий могут быть перенесены в последующий опыт. Важно, что вот эта сетевая структура, неофициальное, распределённое участие и, скажем так, объединение вкладов всех, кто готов вкладывать, попытка их трансформации и агрегации в публично значимые события – это та форма, которая была нащупана в Группе информации по тюрьмам и которая затем была реализована, снова с большим успехом, во Франции 80-х.

было, чувство задолженности...

Елена Баженова:

Чувство некоей моральной ответственности.

Роман Евстифеев:

Поэтому я думаю, что его нельзя назвать активистом в современном понимании этого слова. Им двигало чувство, что он должен что-то делать. Вообще у философов бывает такое. Философия – это такая наука, когда результатов своей работы не видно. Тут изданные книги, обсуждения и т.д., а хочется чего-то большего... Как говорил Маркс, не только объяснять мир, но и менять его.

Елена Баженова:

То есть вы считаете, что это плохо или бесполезно?

Роман Евстифеев:

Нет, это нормально, тем более Фуко эту традицию во многом поддерживал. Дело философов не только объяснять мир, но и изменить его. И он, видимо, пытался это делать. Но книгами и т.д. когда ещё его можно изменить, а здесь... Я считаю, что для него это была в том числе и практика, т.е. удачное совмещение и светских интересов, и практики духовной...

Александр Биков:

Интеллектуальной. Да-да, несомненно. С его особым переживанием истины.

Роман Евстифеев:

Конечно. Если говорить вашим языком, именно так, да.

Александр Бикбов:

Ну что же, перейдём к подробностям функционирования Группы?

Вы спрашивали, почему Группа информации по тюрьмам просуществовала так недолго. Это была ещё одна специфическая черта Группы. Её создатели с самого начала планировали, что самораспустятся, как только самими заключёнными или бывшим заключёнными будет создана собственная организация. В 1972 году бывшими заключёнными, которые участвовали в деятельности Группы, была создана Ассоциация прав заключённых - и Группа информации по тюрьмам самораспустилась. Несмотря на то, что у её участников были вопросы и претензии к той модели, которую предлагала новая Ассоциация, решение о роспуске было принято, как планировалось.

Есть и другие причины. Имел место также и определённый эффект усталости. За полтора года существования Группы информации по тюрьмам Фуко и некоторые другие интеллектуалы приняли участие в огромном числе встреч, митингов, выступлений, дискуссий с левыми и т.д. Вся эта деятельность под конец весьма утомляла Фуко, который привык работать по восемь часов в день в библиотеке.

С другой стороны, ответом на неудовлетворённость моделью организации, которую предложили бывшие заключённые, стало создание ещё менее формализованной группы интеллектуалов: Делёз, Фуко, Бадантер. Бадантер не был интеллектуалом в строгом смысле этого слова. Он был госчиновником...

Что у вас вызвало такой смех?

Роман Евстифеев:

То, что госчиновник не интеллектуал.

Александр Бикбов:

В строгом смысле слова. Он не был «чистым» интеллектуалом, который занимался бы исключительно публикацией текстов или преподаванием.

Новая Группа организовала несколько последовавших уже после 1972 года событий, в частности, ходатайствовала об отмене смертной казни для некоторых

заключённых, в отдельных случаях добивалась смягчения режима в так называемых «кварталах повышенной безопасности», т.е. в «зоне внутри зоны» и т.д.

Что не устраивало интеллектуалов Группы информации по тюрьмам и остальных её участников в Ассоциации-наследнике? Бывшие заключённые решили отказаться от принципа немедленного реагирования, который позволял работать в упреждающем режиме. От того, что производило наиболее сильный эффект, что вызывало общественный резонанс, пугая французское МВД, Министерство юстиции. Во времена работы Группы информации по тюрьмам, например, если вчера заключённого избили в тюрьме в Лионе, сегодня в Париже распространяются листовки о том, что это избиение имело место. Ассоциация, возглавленная бывшим заключённым, решила, что она будет заниматься тем, чем не занимались интеллектуалы Группы, а именно интеллектуальным трудом. Они решили выпускать раз в два месяца журнал, где рассказывали бы о ситуации в тюрьмах, анализировали бы систему наказаний и т.д.

Таким образом, Группа информации по тюрьмам, инициированная интеллектуалами, но разнородная по своему составу, парадоксальным образом, предполагала гораздо более живой отклик и гораздо более жёсткий режим актуальности, нежели Ассоциация бывших заключённых, которые были спонтанными интеллектуалами, самоучками, сформировавшимся в том числе в рамках Группы, и которые при этом претендовали на более твердый академический статус, имея к этому гораздо меньше оснований, по крайней мере институциональных.

Другой и важный вопрос: стало ли лучше заключённым в результате деятельности Группы? Вопрос в самом деле серьёзный. Ответ на него самих участников был ещё одним основанием для того, чтобы обсуждать самороспуск Группы информации по тюрьмам. Дело в том, что в 1971-1972 гг. в тюрьмах Франции произошла целая череда восстаний и бунтов, которые нередко заканчивались, помимо прочего, пожарами и самыми жестокими насильственными действиями со стороны тюремной и городской полиции. Целый ряд внешних наблюдателей признавал в качестве источника бунтов не что иное, как Группу информации по тюрьмам. Почему? Потому что произведя публичный резонанс, сделав публичным достоянием и предметом внимания СМИ ранее совершенно закрытую и совершенно неинтересную сферу, Группа позволила заключённым увидеть свое отражение в чем-то вне стен тюрьмы, дала почувствовать, что их поддерживают самые широкие общественные силы. И это имело под собой основания, т.к. Группе удалось провести несколько зрелищных и очень массовых митингов с участием самых известных людей: Сартра, Симоны де Бовуар, Ива Монтана, Симоны Синьоре и целого ряда интеллектуалов, чьи имена вряд ли что-то говорят российскому читателю. Для французских наблюдателей, напротив, эти имена очень много значили. В свою очередь, митинги проводились и в традиционной форме, как, например, митинг, на котором было зачитано свидетельство тюремного доктора; и в форме крайне зрелищных эффектных акций, как, например, акция в ноябре 1971 года, когда министр юстиции отменил единственную разрешенную передачу заключённым со стороны семей. Это была так называемая рождественская посылка, с которой семьи имели возможность единственный раз в год передавать свои родственникам-заключённым продукты, сладости, табак и ещё что-то столь же обыденное и домашнее. Опасаясь, что таким образом в тюрьму могут попасть напильники, оружие (несмотря на то, что этого никогда не происходило), Министерство юстиции многократно усилило контроль за внутренним распорядком. Испугавшись непонятно чего, во вполне традиционной для силовых ведомств манере министр юстиции отменяет право на передачу

рождественской посылки. Тогда Группа информации по тюрьмам предлагает родственникам заключённых выйти на площадь перед Министерством юстиции с гигантской коробкой, на которой написано: «Рождественская посылка – посылка гнева». И протестовать под окнами министра, требуя восстановить право на передачу. Демонстрация удаётся неожиданно хорошо. Она приобретает широкий размах, она получает резонанс в СМИ. Информационные агентства распространяют фотографии с толпой разгорячённых родственников, несущей гигантский ящик, надвязанный бантом, на котором написано «Посылка гнева». В конечном счете, рождественскую посылку восстанавливают.

Так или иначе Группа информации по тюрьмам становится референтной для целого ряда заключённых. Заключённый знает, что если он посылает информацию по этому каналу, она станет достоянием публичности в самое ближайшее время. Заключенные чувствуют, что снова восстановлена связь с внешним миром. И это, конечно, приводит к укреплению позиции заключенных, вплоть до попытки создать

Так или иначе Группа информации по тюрьмам становится референтной для целого ряда заключённых. Заключённый знает, что если он посылает информацию по этому каналу, она станет достоянием публичности в самое ближайшее время. Заключенные чувствуют, что снова восстановлена связь с внешним миром.

Ассоциации внутри тюрем, что, во-первых, было немыслимо годом ранее, во-вторых, было попросту запрещено. То здесь, то там вспыхивают бунты, которые тюремная администрация пытается подавить в том числе путём отправки бунтарей по другим тюрьмам, что естественным образом разносит бунт во все тюрьмы, где те оказываются. Это приводит к тому, что перед участниками Группы, Даниелем Дефером, Фуко встаёт вопрос о том, могут ли они каким-то образом контролировать последствия этих бунтов, в частности реакции тюремных властей, и могут ли они хоть сколько-нибудь реально помочь подавляемым заключённым. Им очевидно, что нет. Именно это становится одним из мотивов для отказа от дальнейших активных действий - просто чтобы избежать эскалации насилия.

И ещё один очень важный момент. С самого начала своего существования, как я уже говорил, Группа не ставила перед собой реформаторских целей, у неё не было позитивной программы. Речь идёт о том, чтобы дать слово заключённым, чтобы позволить им организоваться, чтобы открыть возможность возникновения контр-власти по отношению к той власти, которая определяет быт и мышление заключённых в стенах тюрьмы. В некотором смысле цель была достигнута, но что с этим делать, было непонятно, потому что подавление средствами власти становилось все более ожесточённым.

Это что касается мотивов создания и самороспуска. С точки зрения структуры Группу характеризует важная черта, о которой я только начал говорить. Если с интеллектуальной точки зрения Группа информации по тюрьмам является событием в горизонте анализа и письма, в частности, для Фуко, то с политической точки зрения,

Группа – это своеобразная энциклопедия тактик. Члены Группы активно интересуются, каким образом строится активистская работа не только или даже не столько во Франции, сколько в других странах. Они ищут другие случаи, возможно, более успешной работы с так называемым «опасным» населением, с неблагоприятными категориями жителей, с тюремным распорядком и тюремной властью, а также изучают некоторые рецепты сопротивления власти и репрессиям. например, в качестве таких образцов используется опыт итальянской ультралевой группы Lotta Continua (Борьба продолжается). Когда Даниель Дефер и несколько его соратников обращаются к этому итальянскому опыту, имея в своём распоряжении издаваемую Lotta Continua газету с одноимённым названием (точно так же, как и пролетарская левая группа, которая издавала свою газету «Дело народа»), они встречаются с итальянскими активистами, наблюдают за их работой, например, в проблемных кварталах и видят, что итальянские техники гораздо более эффективны и эффективны именно потому, что итальянские активисты, в отличие от французских,

Если с интеллектуальной точки зрения Группа информации по тюрьмам является событием в горизонте анализа и письма, в частности, для Фуко, то с политической точки зрения, Группа - это своеобразная энциклопедия тактик. Члены Группы активно интересуются, каким образом строится активистская работа не только или даже не столько во Франции, сколько в других странах.

стараясь работать с «проблемным» населением напрямую. Они пытаются сделать чувствительными к своим идеям тех, кто впоследствии становится или рискует стать мелкими нарушителями порядка, т.е. основным контингентом тюрем. Они приезжают в «проблемные» кварталы, они встречаются с безработными, они общаются с бедным населением, они пытаются привить им верный взгляд на капиталистическое общество. И это производит достаточно серьёзные политические эффекты, потому что они получают некоторую точку опоры в самой неблагоприятной среде, часть которой, в том числе попадая затем в тюрьмы, продолжает изнутри поддерживать с активистами Группы уже политически осознанную связь.

Во Франции 60-70-х точно так же, как во Франции современной или в современной России, быть заключённым стыдно. Выйти из тюрьмы и рассказать всем о том, что ты побывал в тюрьме – это довольно стигматизирующий жест. Эта стигма подкрепляется также наличием своеобразного судебного документа, который бывший заключённый должен предъявлять при устройстве на работу. Не помню, как точно это называется в России, кажется, справка из места заключения. Видя ее, работодатели не хотят принимать бывших заключённых, что, в общем-то, не редкость и для России. Владельцы жилья не хотят сдавать квартиру. Человек, который, казалось бы, только вышел из тюрьмы, оказывается заново изолирован — уже в «большом обществе». И это ещё один повод для того, чтобы не говорить о своём тюремном опыте.

В 1973 году документалистка Элен Шателен начинает свою режиссерскую карьеру фильмом «И тюрьмы тоже», который она снимает по рекомендации Мишеля

Фуко. В нём основными персонажами являются бывшие заключённые, которые рассказывают о своём опыте. Есть несколько мужчин, согласившихся без стеснения показаться на экране и говорить о себе, о своём опыте заключения. Гораздо больше мужчин, которые отказались сниматься. И на экране появляется единственная женщина, которая согласилась сниматься, и есть также несколько женских голосов, которые звучат из-за кадра, потому что бывшие заключённые не желали, не осмелились показать свои лица в кадре.

Быть в тюрьме, иметь опыт тюремного заключения – это стыдно. Люди предпочитают об этом не говорить даже с самыми ближайшими знакомыми. В фильме звучат свидетельства о том, что они притворялись, будто были в длительной командировке или уезжали на заработки. Люди вынуждены допридумывать ту реальность, которую они не прожили во внешнем мире. Надо заметить, что радио и газеты, не говоря уже о телевидении, которое в тот момент ещё не было столь распространено, как сейчас, были запрещены во французских тюрьмах. Одним из

Быть в тюрьме, иметь опыт тюремного заключения - это стыдно. Люди предпочитают об этом не говорить даже с самыми ближайшими знакомыми. В фильме звучат свидетельства о том, что они притворялись, будто были в длительной командировке или уезжали на заработки. Люди вынуждены допридумывать ту реальность, которую они не прожили во внешнем мире.

результатов работы Группы информации по тюрьмам было, как раз, открытие пути для газет и радиоприёмников в тюремные камеры. До того люди не имели доступа к информации и поэтому, выходя из тюрем, не представляли, что на самом деле происходило в мире за время их заключения. Речь, между тем, могла идти о самых банальных вещах, столь важных в обыденном общении. Они не знали, например, кто выиграл последний чемпионат мира по футболу. А ведь в общении с приятелями, сослуживцами или соседями такого рода проколы могут дорого стоить с точки зрения репутации. Это жизнь в постоянном напряжении - что твой тюремный опыт может выйти наружу самым внезапным образом.

Вот с этим чувством стыда и вины, с этим чувством социальной черной метки члены Группы информации по тюрьмам и пытаются работать. В том числе, опираясь на опыт итальянских и американских активистов. Например, устанавливают на улице плакат домиком (две доски), на котором написано: «Что вы думаете о тюрьмах? Я был в тюрьме, а вы?» Активисты пытаются заговаривать с прохожими. Некоторые из них останавливаются и окликаются. Вокруг плаката завязывается спонтанная дискуссия, прибывают новые любопытствующие, и люди наконец начинают заговаривать о том опыте, который они постоянно и тщательно скрывали.

Точно так же, огромную роль сыграли публикации свидетельств в газетах и отдельными брошюрами, которых было всего три. Первая брошюра так и называется: «Брошюра, выпущенная Группой информации по тюрьмам. Исследование в тюрьмах». Там, помимо небольшого установочного текста, написанного, по всей вероятности, Фуко, воспроизводится материал 20 анкет, которые удалось собрать в

самый первый заход. Эти брошюры разносятся по книжным магазинам и продаются, а не просто раздаются как листовки. Брошюры также частично раздаются в очередях родственников, ждущих возле тюрьмы свидания, но гораздо больше им раздают листовки с выдержками из этих брошюр. Это также было нарушением действующего распорядка, т.к. в тюрьму и из тюрьмы родственники заключённых не имели права ничего вносить и выносить. В том числе, по официальному запрету, они не имели права рассказывать о том, что видели в тюрьме. Активисты пытаются разговаривать с родственниками, заставить их нарушить этот официальный запрет, что, конечно же, поначалу вызывает самое серьёзное беспокойство и сопротивление. Людьми движет страх. Представьте себе, вы стоите в очереди в тюрьму, ожидая встречи с заключённым, вашим родственником, и вдруг к вам подходит какой-то неизвестный лысый мужчина или молодой человек, я немного осовременю, в невообразимой куртке и штанах, и заводит с вами какой-то сомнительный разговор, из-за которого вас могут попросту не пустить к сыну, мужу, брату. Вряд ли вы сразу начнёте ему

Они «вдруг» делают происходящее в тюрьмах важным для многих и со многих сторон. Люди обнаруживают, что об этом говорят: говорят на улице, говорят в газетах, говорят интеллектуалы и эстрадные звезды на митингах. В конечном счете, за очень короткий период тюрьмы из объектов, пребывающих в полной тени и молчании, превращаются в один из наиболее значимых предметов публичного внимания и резонанса.

доверять. Родственники, стоявшие в очередях, поначалу боялись брать в руки листовки, тут же бросали их на землю и пытались показать наблюдавшим полицейским, что не имеют никакого отношения к происходящему. Но постепенно эта стена молчания тает, и техники, которые нацелены на свободное обсуждение, этому благоприятствуют.

Кроме того, некоторые участники Группы информации по тюрьмам, в частности, Жиль Делёз и Жан Жене, активно интересуются движением «чёрных пантер». Третья брошюра Группы информации по тюрьмам посвящена «чёрным пантерам» и событиям в американской тюрьме Аттика, где был убит предводитель «чёрных пантер» и с жестокостью подавлено движение за права заключённых.

Опыты работы с неблагополучными кварталами, знакомство с борьбой чернокожих американцев против произвола и насилия, некоторые техники политической мобилизации интеллектуалов, уже привычной для Франции ещё со времен войны в Алжире и во Вьетнаме, производят очень сильный, решающий для общего восприятия эффект. Они «вдруг» делают происходящее в тюрьмах важным для многих и со многих сторон. Люди обнаруживают, что об этом говорят: говорят на улице, говорят в газетах, говорят интеллектуалы и эстрадные звезды на митингах. В конечном счете, за очень короткий период тюрьмы из объектов, пребывающих в полной тени и молчании, превращаются в один из наиболее значимых предметов публичного внимания и резонанса. Впоследствии, даже через несколько лет, Фуко приглашают в газеты, чтобы дать комментарий по поводу положения в тюрьмах, по поводу очередного проекта реформ и т.д.

Как я уже отмечал, у этой попытки позволить заключённым говорить и заставить власти слушать заключённых, имеется обратный эффект, который отзывается серией восстаний в тюрьмах. Когда эти бунты начинают разгораться, МВД начинает закручивать гайки, и в тюрьмах создаются, помимо прочего, «кварталы повышенной безопасности». До того разделение на «опасных» и «не очень» заключённых было не столь жёстким, режим был схожим для всех. Реакция на бунты выражается в том, что в тюрьмах создаются специальные зоны для заключённых, пребывающих в тюрьме длительные сроки, которые менее покорны, более склонны к беспорядкам и т.д. Жёсткое разделение между обладателями малых и длительных сроков призвано, по замыслу МВД, предотвратить возможность восстания и распространения этих восстаний по всей тюремной территории. Тюремная администрация пытается напугать или договориться с теми, кто заключён на

У этой попытки позволить заключённым говорить и заставить власти слушать заключённых, имеется обратный эффект, который отзывается серией восстаний в тюрьмах. Когда эти бунты начинают разгораться, МВД начинает закручивать гайки, и в тюрьмах создаются, помимо прочего, «кварталы повышенной безопасности». Администрация производит очередную классификацию - разделение тюремного населения на классы.

короткие сроки, противопоставив их явным образом тем, кто получил длительный срок, кто стигматизирован в качестве рецидивистов, убийц, опасных не только для внешнего мира, не только для «большого общества», но и для самих обитателей тюрьмы. Администрация производит очередную классификацию - разделение тюремного населения на классы.

И здесь стоит обратить внимание ещё на один момент. Основным объектом работы Группы информации по тюрьмам были именно «краткосрочники», т.е. те, кто пребывает в тюрьме за незначительные преступления. Параллельно общению с персоналом тюрем и бывшими заключёнными, участники Группы информации по тюрьмам, лично Фуко, Дефер осваивают круг литературы по социологии и психологии тюрем. Они убеждаются, что в тюрьме происходит отчуждение от привычной социальной жизни и ресоциализация, которые фактически увеличивают вероятность рецидивов. Они приходят к пониманию, что тюрьма – нереформируемое заведение, которое вовсе не справляется со своими функциями исправления, в том числе потому или прежде всего потому, что она является таким местом отправления власти, которое не просто удерживает «преступников», а формирует некий тип заключённого — привычки, взгляды и социальный стигмат. Именно поэтому для участников Группы информации по тюрьмам важно, что они имеют дело именно с заключёнными, а не с осуждёнными. Все, кто попадают в тюрьму, оказываются под негативным действием этой тюремной педагогики, которая заявляет исправление личности, а на самом деле производит преступников.

Это понимание столь отчетливо, что уже в первые месяцы существования Группы

информации по тюрьмам заставляет убрать столь знакомую нам по диссидентскому движению перегородку между политзаключёнными и обычными заключёнными. Если изначально это Группа создаётся для поддержки заключённых Пролетарской левой, для поддержки голодающих политзаключённых, то буквально в первый же месяц, как только заканчивается забастовка, те же самые голодающие начинают требовать смягчения режима и общих прав как для политзаключённых, так и для уголовных заключённых. Вот это устранение границы между «благородными» политзаключёнными и «отребьем»-уголовниками позволяет проблематизировать тюрьму в целом, говорить о тюрьме как о месте, где происходит отправление этой властной механики над телом и властное принуждение к такой видимости порядка, которая производит из заключённых законченных преступников.

В России, напротив, в тот же период разделение на «политических» и

Они приходят к пониманию, что **тюрьма - нереформируемое заведение, которое не справляется со своими функциями исправления, в том числе потому или прежде всего потому, что она является таким местом отправления власти, которое не просто удерживает «преступников», а формирует некий тип заключённого - привычки, взгляды и социальный стигмат. Все, кто попадают в тюрьму, оказываются под негативным действием этой тюремной педагогики, которая заявляет исправление личности, а на самом деле производит преступников.**

«уголовных» заключённых сохраняется в силу целого ряда специфических обстоятельств. В дальнейшем это находит выражение в самых разных формах, начиная от самых привычных форм мышления, диссидентского и правозащитного восприятия («благородные» политзаключённые и «грубые» уголовники), заканчивая формами общественной мемориализации. Например, в Магадане установлен памятник Эрнеста Неизвестного жертвам сталинских репрессий, заключённым ГУЛАГа, и это памятник именно политзаключённым, а не заключённым вообще. Разделение тюремного населения на благородную и неблагородную части, которое во Франции в начале 1970-х производит тюремная администрация, прилагая к этому значительное усилие, в России мирно производят сами правозащитники. Уголовные заключённые для российских правозащитников – это скорее опасные «другие». И это довольно серьёзная преграда, которая делает невозможным мышление о тюрьме в целом.

Если у вас будут вопросы по конкретным тактикам, о которых я упоминал, я готов говорить подробнее, потому что здесь есть определённый арсенал находок. Но я хочу закончить это выступление повторным обращением к тому факту, что Группа информации по тюрьмам как некоторая форма организации контр-власти внутри самих тюрем - благодаря внешней поддержке и организации связи между внешним миром и миром тюрьмы - в конечном счёте, делает эту контр-власть возможной не потому, что она воспитывает заключённых, не потому, что она предоставляет им более мягкие условия содержания в соответствии с некоторым представлением о хорошей тюрьме, не потому, что она предлагает удачный план

тюремной реформы. Они вообще отказываются от любого реформизма. Хотя, конечно, внутри Группы есть и крыло, в частности, Доменак и Видаль-Наке, которое придерживается реформистского взгляда на тюрьму. Они не считают, что от тюрьмы следует отказаться или что тюрьму следует поставить под столь радикальное сомнение: для них речь идёт о том, чтобы улучшить её. Тем не менее, люди, которые задают основную линию в Группе, придерживаются иных взглядов. Это целенаправленная работа, которая нацелена на то, чтобы сделать властью слово, конкретное знание, рождающееся в тюремных стенах. И именно это делает возможным взрыв общественного внимания и проблематизацию тюрьмы как места власти.

Полина Вахотина:

Эх вы и наговорили, честно говоря!

Я не поняла только одного. С какой целью они всё-таки всё это затеяли? Реформистского намерения у них не было. Они хотели какого-то абстрактного добра для заключённых? Они хотели книжку написать? Что они хотели-то в итоге?

Александр Бикбов:

Они хотели, чтобы заключённые, которые принуждены молчать, получили...

Полина Вахотина:

Получили голос... и самоустранились. Заключённые получили слово, а уж что они с этим словом сделают... Мы за это не в ответе.

Александр Бикбов:

Да.

Полина Вахотина:

И результаты им не понравились и они самораспустились...

Александр Бикбов:

Нет-нет, они самораспустились, потому что они поставили границей своего существования создание некоей Группы самими заключёнными.

Полина Вахотина:

Это понятно, но вы говорили, что одной из причин было то, что им что-то не понравилось.

Александр Бикбов:

Нет. Им это не понравилось по факту, но они это приняли.

Полина Вахотина:

А чем они могли возразить?

Александр Бикбов:

Вот именно.

Полина Вахотина:

То есть фактически они экспериментировали?

Александр Бикбов:

Ну, если угодно, то да. Это было такое радикальное доверие к настоящему моменту.

Полина Вахотина:

А как сам Фуко это оценивал? Получается, человек что-то делает, но не стремится изменить это в какую-то сторону. Это похоже на садовника, который пришёл в сад и вместо того, чтобы прививать на лимон что-нибудь конкретное, он закрывает глаза и начинает орудовать ножницами, а потом смотрит, что из этого получилось. Если у человека нет конкретного движения куда-то, это и есть признак интеллектуального сообщества что ли?

Александр Бикбов:

Нет. Я думаю, что вы просто исходите из вполне классической модели направленного действия. При том, что в данном случае речь могла бы идти о том, чтобы направлять действия других.

Полина Вахотина:

Из позитивисткой... Человек, который что-то делает, знает, что он делает и зачем, хоть какую-то цель имеет.

Александр Бикбов:

Вы имеете в виду: если к вам в Группу приходит человек, он делает что-то, к чему готов заранее?

Полина Вахотина:

Ну, по крайней мере, он предполагает начать с чего-то, а потом уже дальше работать с тем, что получится.

Александр Бикбов:

Скажем так, практическая идея, которая легла в основу Группы информации по тюрьмам, была самоорганизация заключённых и бывших заключённых. Они начали с того, что дали им слово. Они добились, чтобы заключённые получили возможность рассказать о себе и своих проблемах.

Роман Евстифеев:

Это очень важно на самом деле. Мне кажется, что Фуко в данном случае преодолевал очень многие свои комплексы, например, комплекс, связанный с ролью интеллектуала в обществе.

Александр Бикбов:

Сартровский комплекс...

Роман Евстифеев:

Да-да... Комплекс, связанный в том числе и с марксизмом, поскольку Фуко был членом коммунистической партии несколько лет, какой-то короткий промежуток времени. Они привнесли какое-то сознание туда, а потом самоустранились.

Александр Бикбов:

Они не принесли какого-то сознания, они открыли возможность для формирования и выражения любого сознания.

Полина Вахотина:

То есть это такая манипуляция в импровизационном стиле?

Александр Бикбов:

Почему манипуляция? Никто не говорил бывшим заключённым, что они должны делать.

Полина Вахотина:

Нет-нет, манипуляция системой как таковой. Системой ведь они манипулировали. Они привлекали общественность, ходили митинговать.

Александр Бикбов:

Они попытались обеспечить канал, некое граничное условие, которое делает возможным изменение на том полюсе, где оно вообще не предусмотрено. Но главная ставка была на самоорганизацию. Ведь это же нечто, принципиально противоположное манипуляции.

Полина Вахотина:

Вот ещё такой странный вопрос. Можно я пофилософствую? Тюрьмы в своём современном виде появились более или менее в новое время, потому что тогда свобода человека стала ценностью. До этого свобода человека ценностью не была, не было нужды держать такой аппарат. Тюрьмы были ситуативными и наказывали вообще по-другому. Преступников могли побить. А так как в новое время свобода стала ценностью - свобода распоряжаться собой - появились тюрьмы. Свобода была ценностью непроизносимой, но настолько абсолютной, что нормально, что про тюрьмы не было ничего известно в обществе. Человек отсылался в некоторое небытие, в котором он варился с другими заключёнными. И в принципе было нормально, что каналов проходимости не было. Человека отрезали от общества, а потом он, как умел, пытался привиться к нему обратно. А вот эти вот все усилия – канализация, прокопы, рубки окон из тюрьмы в цивилизацию, это же фактически признак того, что общество признаёт теперь за человеком свободу не просто действовать, а свободу действовать так либо жить в тюрьме. А если у него есть свобода жить в тюрьме... Вот вы цитировали плакат «Я был в тюрьме, а вы?» Считается, что это для человека несколько экстремальный, но выбор. Человек может жить в обществе, а может, в принципе, пойти в тюрьму: «Давайте к этому относиться толерантно. Давайте поделимся, друг другу всё расскажем». Попытка Группы информации по тюрьмам – это попытка вдвинуть тюрьму в общество настолько, чтобы она стала нормальным институтом. По факту это же так?

Александр Бикбов:

Нет. Вы парадоксальным образом осовремениваете французские 70-е. Возможно, в современной России этот тезис более актуален. Есть целый ряд правозащитников с опытом заключения и исследователей, которые настаивают на той идее, что тюрьма явочным порядком настолько встроена сегодня в российское общество, что в некотором смысле становится одной из обязательных форм определения маскулинности: «мужик» – это тот, кто побывал в тюрьме. Вероятно, что для некоторых сред это отчасти верно. В этом смысле можно говорить о нормализации тюремного опыта в «большом обществе».

События в 70-е гг. во Франции, и сегодняшняя ситуация вокруг российских тюрем принципиально различны. Беседы с бывшими заключёнными, когда люди признавались, что были в тюрьме, велись не для того, чтобы заставить продемонстрировать свой стигмат: «Ну, хорошо, вот я такой, каким был в тюрьме. Теперь пришёл сюда, примите меня». Нормализация тюремного опыта не была целью, скорее средством. Речь шла как раз о том, чтобы отрефлексировать то невыносимое, что происходит в тюрьмах, понять, что именно происходит там с человеком.

Полина Вахотина:

Так не бывает! Фактически, признавая невыносимость каких-то условий, человек смыкает ту реальность, которая была невыносима, с нынешней реальностью. Ведь

если бы что-то было совершенно невыносимо, то человек умер бы. А так человек говорит, что вот там было невыносимо, но вот я сейчас стою здесь перед вами. Следовательно, это выносимо.

Александр Бикбов:

Следуя вашей логике, придётся признать, что публикация свидетельства о происходящем в концлагере нормализует концлагерь. Но это не так.

Полина Вахотина:

Концлагерь – это предельная ситуация. Там убивают. Это такая оттянутая смерть, грубо говоря. А тюрьма всё-таки, как предполагается, является пенитенциарным заведением, т.е. временной изоляцией человека из общества с возможностью возвращения обратно.

Александр Бикбов:

Как ни странно, и концентрационные лагеря, и тюрьмы действовали на основе одной и той же риторики исправления. Вы упускаете из виду то, что тюрьма не является нейтральным в педагогическом отношении институтом. Представление о тюрьме в XIX веке проходит под знаком идеального института исправления заблудших овец, оступившихся, отклонившихся индивидов. То, о чём пишет Фуко в «Надзирать и наказывать», то, о чём он говорит в диалоге с историками - это критика подобного взгляда, который сопровождает появление современного типа тюрьмы прежде всего как исправительного заведения. Фуко не устает повторять, что с первых же дней существования этой исправительной пасторали она остается не более, чем задержавшейся на десятилетия иллюзией. Исправление не осуществляется: вместо того, чтобы исправлять преступника, тюрьма на самом деле его производит. И это принципиальный пункт критики, который неустраним из любого сообщения о тюремном опыте. То, что бывший заключённый говорит о своём тюремном пребывании, не нормализует его в смысле «примите меня таким, каков я есть». Он говорит: «Меня заключили в тюрьму для исправления, а на самом деле меня там пытали и меня превратили в преступника». Согласитесь, что это звучит гораздо более ужасно. Эффекта быстрого примирения и лёгкой, незлобивой нормализации здесь нет.

Виктория Жильцова:

Получается, что это чувство вины: «Меня заключили. На меня подействовали. Меня лишили свободы. Лишили свободы насильственно».

Полина Вахотина:

Да, я убил бабушку и меня, бедного, лишили свободы.

Александр Бикбов:

Верно. Но не забывайте, что тюрьма официально выдвигает - и в современной России это по-прежнему так - тезис о том, что она является исправительным учреждением. Вопрос в том, исправляет ли она в действительности. Именно это было поставлено под вопрос Группой информации по тюрьмам.

Полина Вахотина:

Мне интересно, сам Фуко понимал, что канализируя процесс, давая заключённым самоорганизоваться, популяризируя их опыт с любым наполнением (плохим или хорошим), он запускает всё равно тот процесс, о котором я говорю. Процесс сближения тюрьмы и общества в целом. Формализация любого института объективно происходит именно в таких процессах. Если ты чем-то занимаешься,

ты что-то окультуриваешь, если ты что-то окультуриваешь, оно встраивается в культуру уже на правах полноправного участника, а не фактически неполноправного, как это было ранее. Почему в тюрьме сидеть плохо и стыдно, почему об этом не говорится? Потому что тюрьма выносится за пределы нормальной жизни. И стигмат того, что человеку плохо говорить о тюрьме, это один из маркеров, что в тюрьме сидеть не надо, иначе будешь как дурак. Если это вытаскивается в культуру, окапывается, поливается, то тюрьма становится таким вот удивительным, но таким вот деревцем в саду.

Александр Бикбов:

В своем рассуждении Вы каждый раз нейтрализуете тот факт, что тюремная власть делает что-то невероятное с заключенным вне зависимости от его поступков или проступков. Этот факт был основополагающим для Группы информации по тюрьмам. Тюрьма - это не просто некий ров или стена, которая отделяет одно поселение от другого или одну часть города от другой, где по обе стороны стены протекает одинаково приемлемая жизнь. То, что происходит за тюремной стеной, насильственно. Живущие там отчёркнуты, они не контактируют с остальными горожанами, над их телами производят такие операции, которые предназначены заключённым как недочеловекам, которые производят из заключённого, возможно, попавшего в тюрьму за кражу ящика пива, преступника со всем комплексом привычек, страхов и отношений с самого разного «высшими» - администрацией, старшими или более физически сильными заключенными, которые регулярно осуществляют насилие над ним, в том числе в виде прямого избиения, помещения в карцер, обливания холодной водой, лишения пищи, издевательств и т.д. Тюрьму нельзя мыслить как второй город где-то по соседству, где течёт такая же нормальная жизнь. Эта жизнь невыносима в любом случае. И когда вы говорите, исходя из допущения, что тюрьма всего лишь является некоторым нейтральным вместилищем для оступившихся, которые потом возвращаются в общество и демонстрируют заключение как свой осознанный выбор, это неверно. Потому что за счёт того, каким образом это исключение совершается и поддерживается, тюрьма производит на выходе совсем другого индивида.

Полина Вахотина:

Я не имею в виду, что это окультуривание обязательно плохое. Оно, может быть, имеет и нормальные черты. Я просто хотела спросить, что об этом думал сам Фуко. Он об этом думал?

Александр Бикбов:

Я пытаюсь показать вам перспективу, в которой он вместе с другими участниками Группы размышлял - по крайней мере, ту, в которой велись дискуссии на эту тему. Перспектива такова, что тюрьма не нейтральна как место исключения, что тюрьма является местом отправления власти в наиболее насильственной и грубой форме и что результатом такого отправления власти является трансформация индивида.

И надо работать с этой проблемой. А не с вопросом, насколько наказание соответствует преступлению, насколько виновным или невиновным чувствует себя преступник, убийца или мелкий воришка. Надо работать с тем, что тюрьма, которая претендует на то, что привносит в общество что-то лучшее, на самом деле не исправляет, не оптимизирует, а делает только хуже.

Полина Вахотина:

То есть они этот факт хотели зафиксировать и зафиксировали?

Александр Бикбов:

Если бы всё было так просто, то, наверное, не понадобилась бы вся та работа, которую они совершили. Достаточно было бы одной научной публикации. Речь идёт о том, чтобы создать возможность для сопротивления тому избытку власти, который присутствует в тюремных стенах. Заключённые должны понимать, что они продолжают жить в обществе, несмотря на то, что они отделены от него. В некотором смысле, это примирение мира тюрьмы с миром «большого общества» в направлении, обратном указанному Вами: это не введение тюрьмы в «большое общество», а возврат общества в тюрьмы, устранение резкого перепада властного давления между обществом и тюрьмой в самих тюремных стенах, понимание того, что эти два мира сообщаются гораздо больше, нежели принято считать. Попытка обратить внимание на простые, но основательно замалчиваемые вещи. Мы сначала отрезаем человека на несколько месяцев, лет от «большого общества», потом он возвращается, а мы делаем вид, что ничего не произошло. На самом деле что-то там происходит и вот это что-то имеет трагические последствия для любого индивида за счёт перепада властного давления.

Владимир Щитко:

Вернёмся к словам Полины. Если тюрьма – это некий нейтральный отгороженный мирок, из которого я возвращаюсь домой, если мне там не плохо, нормально, то какая мне разница, где жить: там или дома? Если там плохо, я же туда не захочу. А если там то же самое, что и дома, пойду и посижу.

Александр Бикбов:

Если бы реальность соответствовала этому хоть в какой-то степени, наверное, с Вами можно было бы согласиться. Но в реальности тюрьмы имеется некоторое решающее искажение, которое заложено в самом ее принципе. Тюрьма претендует на то, что она исправляет, возвращает на честный путь отклонившихся, отбившихся, оступившихся индивидов. тогда как за этой исправительной претензией на деле скрывается совершенно иная и невыносимая реальность.

Полина Вахотина:

Я и не спорю. Я тоже читаю газеты и знаю, что происходит в некоторых тюрьмах. Просто какая-то парадигма странная. Участники Группы говорят: мы знаем, что тюрьма никого не воспитывает, мы сейчас вам об этом расскажем, но давайте добьёмся, чтобы там хотя бы было хорошо. И чего?

Александр Бикбов:

Нет, они так не говорят. Они как раз и отказываются от такого реформизма.

Полина Вахотина:

Ну, чтобы это было получше тем способом, который сами заключённые себе нарисуют. Ведь они предполагают, что заключённые захотят улучшить условия, а не ухудшить. Просто они не берут это в свои руки, вот и всё.

Александр Бикбов:

Это очень большая разница! Но смысл тут даже не в этом. Нынешняя правозащитная деятельность во многом строится на той модели, которую вы сейчас проговорили, вплоть до последней фразы. Правозащитники говорят: «Давайте сделаем жизнь в тюрьме получше». При этом предполагая, что они лучше заключённых знают, что тем нужно.

Полина Вахотина:

Хорошо, переформулируем. Тюрьма никого не воспитывает, давайте дадим заключённым права - то, что им нужно, чтобы выжить в этой тюрьме. Грубо говоря, так как она никого не воспитывает, давайте внесём в неё элементы гражданского общества, может, тогда что-нибудь получится.

Александр Бикбов:

Если говорить совсем приближённо, то да. Только не внесём, а позволим этим элементам сформироваться. Заключённые, которые сформировали организации, приведшие к бунтам, фактически это гражданское общество в тюрьме и создали, но просто характер отношений власти в тюрьме таков, что элементы гражданского общества не могут существовать в иной форме, кроме бунта. И это было неожиданным эффектом. Это нельзя было заранее заподозрить и запрограммировать. Можно было предположить, что протесты заставят администрацию быть более гуманной, мягкой, прислушиваться к заключённым, вступать с ними в коммуникацию, играть с ними в социальные игры. Но этого не произошло в силу той реальности тюрьмы...

Полина Вахотина:

В силу того, что общество просто не готово к этому, потому что у всего есть начало и конец. Если когда-то появились тюрьмы, а до этого их не было в таком количестве, то когда-нибудь они исчезнут. Мне было очень интересно всё это слушать, потому что видно, что нащупываются какие-то шаги к трансформации этой стороны общества, потому что Новое время закончилось. А в постиндустриальном обществе такие очаги тоталитаризма всё равно будут размываться.

Александр Бикбов:

В целом, верно. Речь идёт, в конечном счете, об отказе от тюрем.

Полина Вахотина:

Вот я о том и говорю: происходит синтез тюрьмы и общества. Хорошо это или плохо, я не знаю.

Александр Бикбов:

Не синтез тюрьмы и общества, а попытка поставить под вопрос тюрьму как нормальный институт, который претендует на исправление общества.

Андрей Ребриков:

Тюрьма является инструментом превентивного воздействия. Если есть преступник, который уже проявил себя как преступник, я не думаю, что тюрьма или какой-то другой институт этого человека перевоспитает. Мне кажется - и это общепризнанно - что предназначение тюрьмы сейчас не перевоспитание, а защита остального общества от сидящих в тюрьме преступников. Сажать ли за мелкие правонарушения в тюрьму, это другой вопрос. Нельзя сажать в тюрьму, когда совершается первое мелкое правонарушение, когда совершается преступление несовершеннолетним. С другой стороны, тюрьма должна остаться инструментом защиты общества от людей, которые абсолютно асоциальны. Или нет?

Полина Вахотина:

Она сама продуцирует асоциальных.

Елена Баженова:

Вы хотите сказать, что преступниками рождаются?

Андрей Ребриков:

Нет. Если человек совершил первое правонарушение, а затем второй раз, третий...

Александр Бикбов:

Вы понимаете, что означает совершить второй раз правонарушение, вернувшись из тюрьмы? Вы ведь имеете в виду рецидивистов?

Андрей Ребриков:

Нет, давайте не будем его сажать в тюрьму в первый раз. Вот мы провели профилактическую беседу. Мы расстаёмся, а через две недели он совершает второе правонарушение. И это всё продолжается, продолжается, продолжается...

Елена Баженова:

Он не исправляется.

Андрей Ребриков:

И смысл продолжать эту работу, если человек продолжает совершать правонарушения? Я хочу сказать, что и смертная казнь в этих целях должна быть сохранена. Ведь если человек-маньяк проявляет себя в этой ипостаси, т.е. убил, например, 60 человек, где гарантия, что не будет 61, 62 и 63? О каком воспитании может идти речь, если есть люди, которые не могут быть перевоспитаны?

Полина Вахотина:

Тюрьма как изолятор?

Александр Бикбов:

Вы пользуетесь очень ходовым аргументом в пользу тюремного заключения и смертной казни, оправдывая заключение существованием серийных убийц. Но в большинстве случаев правосудие имеет дело не с серийными убийцами. Основная масса тех, кто проходит через залы суда, совершили мелкие преступления или преступления в состоянии аффекта. Вы судите, избегая конкретных подробностей судопроизводства. Вам кажется, что эту проблему очень легко решить с точки зрения общей справедливости и отменяете в своём воображении весь этот сложный механизм судопроизводства, экспертизы и последующего функционирования системы наказания, которая приводит в тюрьму, но не заканчивается ею. Оттуда вы выходите со справкой о заключении, вас не принимают на работу. Поэтому вам гораздо легче совершить преступление повторно, если 2-3 года спустя после выхода из тюрьмы, вас никуда не принимают на работу, если трудно найти жильё. Проблема состоит как раз в том, что в большинстве случаев нет твёрдых оснований для осуждения. То, что происходит в зале суда - это довольно произвольный обмен знаками между защитой и обвинением, между теми, кто находится на стороне силы, и теми, кто пытаются уйти из-под, скажем так, наиболее раздавливающих эффектов этой силы. Если вы посмотрите ту же самую статистику, вы обнаружите, что идеальный тип преступника – это мужчина от 20 до 35 лет в 80 % случаев без высшего образования, т.е. в некотором смысле социально неблагополучный тип, который попадает в тюрьму почти естественным образом. В тюрьме не оказываются белые воротнички, крупно провинившиеся руководители крупных холдингов, политики и т.д. То есть тюрьма – это своего рода машина по производству преступников, которые обладают весьма опознаваемой социальной физиономией. И вопрос как раз стоит в том, работает ли тюрьма на исправление чего бы то ни было. Тюрьма производит раз за разом преступника в его уже канонизированной, неизгладимой форме. В форме, от которой он уже не избавится всю последующую жизнь.

Андрей Ребриков:

Мне кажется, что сейчас не идёт речь о том, что тюрьма должна воспитывать, от этого уже ушли. Сейчас это акт возмездия, т.к. человек несёт ответственность за то, что он сделал. Он несёт ответственность в соответствии с тем ущербом, который он нанес человеку, государству, чьим-то интересам. Почему ему должно быть хорошо в тюрьме?

Александр Бикбов:

Что вы имеете в виду под «хорошо»? Когда вас «охаживают» по голове дубинкой...

Андрей Ребриков:

Нет, давайте не будем «охаживать» по голове дубинкой...

Александр Бикбов:

Но так происходит.

Андрей Ребриков:

Мы поставим в камере телевизор, радио, но закроем его, и ему всё равно будет плохо. «Меня заперли, меня разлучили с родственниками. Как же так! Как же права человека?»

Александр Бикбов:

Вы ставите очень отвлечённые мысленные эксперименты. Режим тюрьмы таков, что властные отношения, которые там действуют, очень быстро приобретают форму избытка насилия и унижения. Смысл тюрьмы не просто в том, чтобы изолировать опасного индивида от послушного, а в том, чтобы лишить его некоторого набора человеческих качеств.

Андрей Ребриков:

Да.

Александр Бикбов:

Ну, если вы стоите на этих позициях, то...

Андрей Ребриков:

Ведь лишение свободы – это лишение некоторого набора человеческих качеств...

Александр Бикбов:

Но если после этого он выходит из тюрьмы иным, раздавленным властью индивидом, который при этом совсем не «лучше» прежнего, не очень понятно, для чего вы отстаиваете тюрьму, почему она вам кажется, тем не менее, вполне заслуживающей...

Андрей Ребриков:

Потому что я считаю, что это единственный инструмент, который ограждает меня как гражданина...

Полина Вахотина:

Как же она ограждает, если, например, человек украл пирожок и попал в тюрьму, а вышел оттуда уже готовым вас зарезать? А до этого он не был готов вас зарезать.

Андрей Ребриков:

Мы сейчас говорим о том, что проблема нашей уголовной исполнительной системы...

Александр Бикбов:

Нет. В том-то и дело. Во Франции была и остается похожая ситуация. За мелкие

преступления там тоже были предусмотрены достаточно длительные сроки наказания, хотя и меньшие, чем в России.

Но система медицинского обслуживания, инструменты наказания и распоряжение администрацией телом заключённого таковы, что они формируют целый комплекс свойств и практик (и очень быстро формируют), которые трудно совместимы с привычной повседневной жизнью в «большом обществе». Более того, вне зависимости от того, насколько мягок режим, впоследствии это «большое общество» не очень склонно принимать «отдавшего свой долг» индивида обратно.

Вы говорите, что тюрьма является единственным институтом, который позволяет вам чувствовать себя защищённым - но только до тех пор, пока вы сами там не оказались. Лично для себя, полагаю, Вы бы предпочли какой-то иной способ исправления? Между тем, тюрьма существует именно как единственно возможный.

Андрей Ребриков:

Какие есть альтернативы?

Александр Бикбов:

Существует множество альтернатив, которые обсуждаются в разных странах, включая Россию. Например, альтернатива восстановительного правосудия, когда речь идёт не о заключении, а, например, о принудительной работе в «большом обществе» в пользу жертвы. Речь может идти также, например, о следующей форме смягчения заключения, которая практикуется в ряде скандинавских стран. Тюрем всегда не хватает. Это их неустранимое свойство: сколько бы вы ни построили тюрем, их всё равно не хватает. Всё равно перенаселение, всё равно невыносимые условия. Поэтому, чтобы не ужесточать условия заключения, между администрацией и осуждёнными практикуется договор о том, что осуждённый помещается в тюрьму не сразу же, как только вынесен приговор в зале суда, а в тот момент, когда ему удобнее. А до того он записывается в очередь. Это может показаться абсурдным, «слишком мягким», но нельзя пренебрегать последствиями самого факта заключения. Тюрьма – это такое место, где отношения власти никогда не бывают нейтральны, даже если вы себе представляете тюрьму с телевизором и с ежедневным сытным обедом в полдень, тем не менее, там всё равно происходит что-то, что меняет индивидов, превращая их в преступников.

Андрей Ребриков:

Я не могу понять одного. Вот мы говорим об альтернативе тюрьме. Вот есть преступник, понятное дело, что не рецидивист, который совершил мелкое правонарушение. Да, есть такие варианты, как исправительные работы, условные сроки, если в наших терминах. Если говорить о рецидивистах, то альтернатива этому наказанию есть или нет?

Александр Бикбов:

Скажем так, наказание не соответствует его официально заявленной функции, если мы принимаем в расчёт работу всего механизма, начиная с судопроизводства и заканчивая возвращением в «большое общество».

Именно потому, что в рамках имеющейся системы, исторически сложившейся и актуальной для нас сегодня, как и в 70-е гг., есть ряд неразрешимых парадоксов, члены Группы информации по тюрьмам отказались от всех реформистских замыслов. Все эти вопросы, безусловно, обсуждались её участниками. Оказалось невозможно сформулировать какую-то явную позитивную программу, которая отвечала бы на все вопросы непротиворечивым образом. Однако они пытались поставить под вопрос наиболее кричащие эффекты тюрьмы, самые раздавливающие,

превращающие индивида в преступника. Если говорить о практических ориентирах, они имели в виду прежде всего заключённых с малыми сроками.

Андрей Ребриков:

Я согласен, что если иметь в виду факты бесчеловечного отношения в тюрьмах, то это серьёзный вопрос. Но в целом тюрьма и предназначена для наказания. Я не считаю, что это способ перевоспитания.

Полина Вахотина:

А они хотя бы футуристически предполагали, как тюрьма будет реформироваться в будущем?

Александр Бикбов:

Думаю, что нет. Сейчас, как и тогда, очень трудно представить, чем может быть заменена тюрьма. Но факт в том, что она не отвечает своему назначению, а следовательно нужно ставить её под вопрос, нужно, как вы правильно сказали, двигаться куда-то в будущее, не зная, каково это будущее.

Виктория Жильцова:

Хорошо, нужно двигаться в будущее. Это манифест 1971 года. Сегодня проблема так и не решена. В связи с этим у нас возникает вопрос, зачем была поставлена проблема без решения? Тогда говорили о несостоятельности воспитательной функции тюрьмы. И сейчас мы говорим о том же. Практические результаты где?

Александр Бикбов:

Практический результат сомнения в тюрьме как эффективном инструменте может быть получен только тогда, когда, наконец, будет найдено решение, позволяющее заменить тюрьму чем-то иным. Тюрьма сохранилась не потому, что манифест оказался не действенным, верно?

Виктория Жильцова:

Это я понимаю. Я не могу понять другого: Фуко предложил кому-то другому придумать альтернативу, вообще ничего не предложил или предложил изменить те условия, которые имеются?

Александр Бикбов:

Скорее третье, но не условия, которые были ясны, четко очерчены и программируемы, не воспитательную функцию. Сверхзадача состояла в том, чтобы дать возможность заключённым самим ответить на этот вопрос. Этот ответ не был заранее известен, но в этом и состоял акт предельного доверия к истории, к настоящему, к тому моменту, в котором они жили.

Они поставили воспитательную функцию тюрьмы под вопрос и сделали всё от них зависящее, чтобы самоорганизация заключённых стала возможной. При этом они с самого начала признали, что тюрьмы не реформируемы.

Вы совершенно справедливо указываете на то, что сегодня ситуация не изменилась. Я специально говорил с Даниелем Дефером о надеждах Группы и достигнутых результатах, и он ещё раз подтвердил, что сегодня в тюрьме есть всё то, что они наблюдали в 70-х годах.

Виктория Жильцова:

Но при этом произошли послабления, о которых говорила Полина. Послабления первого плана, которые идут на показ, мол, «да, есть изменения» (появление в камере телевизора, например).

Мне знакомые рассказывали про один случай в Европе. В тюрьму пришёл

человек, за которым полиция «гонялась» два дня. У него ночью совесть проснулась, и он пришёл сдаваться. А в участке священнослужитель, который там случайно оказался, говорит ему: «Вы знаете, сейчас никого нет в полицейском участке. Придите, пожалуйста, завтра».

Да, есть вот такие вот послабления, но при этом воспитательная функция, социализирующая функция, которая помогает им вернуться обратно, так и не работает.

Александр Бикбов:

Верно. Совершенно не работает. Именно поэтому тюрьму снова и снова нужно ставить под вопрос. Потому что она не работает. Тюрьма как институт не может быть изменена простыми реформаторскими действиями, волей реформатора. Можно попробовать поставить телевизор, можно прибавить к нему тёплый душ. Но что-то, обусловленное перепадом властного давления в тюрьме, даёт сбой. Тюрьма раз за разом производит преступного индивида, который до того не был преступным, который совершил преступление, но не был преступником в том смысле, который вы подразумеваете. Он не был патентованно опасным для общества.

Андрей Ребриков:

Мне кажется, мы сейчас должны рассматривать тюрьму как наиболее тяжкий вариант наказания.

Александр Бикбов:

Но он существенным образом банализирован в системе правосудия, к сожалению. И во Франции, и в России, да и везде. Тюремное заключение не исключительная мера. За незначительное преступление вы получаете от трёх месяцев тюрьмы.

Полина Вахотина:

Например, если человек не захочет паспорт восстанавливать и 1000 рублей ему жалко, он может 15 суток достаточно добровольно отсидеть, и ему паспорт дадут бесплатно. Кому только от этого польза?

Елена Баженова:

Правильно ли я понимаю, что тюрьмы стали традиционной зоной ответственности правозащитных организаций именно с того времени?

Александр Бикбов:

В некотором смысле, да. Хотя до того существовали инициативы, традиционно отправляемые церковью в качестве благотворительности и милосердия.

Елена Баженова:

Мне кажется, что тогда это был первый, достаточно эмоциональный всплеск. В этом была какая-то энергия, какой-то драйв. Сейчас практики контроля над тюрьмой также в достаточной степени рационализированы. Есть что-то в Группе информации по тюрьмам, что порождает такие же эффекты сейчас, по крайней мере, действительно привлекает к этому внимание и постоянно поддерживает обсуждение этой проблемы в обществе?

Александр Бикбов:

Несомненно, есть попытки вести работу с тюрьмами, смягчать положение заключенных в тюрьме, но нет подобной инициативы, поскольку она строилась совсем на других основаниях. Это была инициатива, которая с самого начала не ставила перед собой цели сотрудничества с какими бы то ни было властями: с государственными, с администрацией тюрем, с воспитательной или медицинской

администрацией. Они хотели в обеспечить молчащих возможностью голоса.

Большинство правозащитных организаций, в том числе те, что считают себя отчасти наследниками Группы информации по тюрьмам, например Международная обсерватория тюрем, на самом деле работают как новая, иная форма организации. на деле, большинство правозащитников в пространстве тюрьмы сегодня оказываются в том же положении, в котором в начале 70-х находились тюремные воспитатели и врачи. Правозащитник приходит в тюрьму, для того чтобы сделать что-то хорошее для заключённого. При этом своей деятельностью, согласованной с администрацией, он поддерживает существование тюрьмы. Таким образом, нынешний правозащитник, который приходит в тюрьму - это тот же самый специфический интеллигент, который в начале 70-х работал в стенах тюрьмы по должности. И это принципиальное условие, которое не позволяет инициативе, подобной Группе информации по тюрьмам, стать отправной плоскостью для современных правозащитников. Чтобы сделать что-то подобное, правозащитникам нужно уйти из тюрем и начать действовать извне и нелегально, как это делала Группа.

Участник дискуссии:

Наверное, серьёзное социологическое исследование потребует серьёзных финансовых ресурсов.

Полина Вахотина:

20 анкет можно обработать и без особых ресурсов.

Александр Бикбов:

Так же как и написать сопроводительные тексты.

Я уже сказал, что брошюры Группы продавались в книжных магазинах. И собранные средства шли на печать листовок. Листовки были самыми примитивными. В тот момент не было ни лазерных принтеров, ни какой-то общедоступной качественной полиграфии. Это была бумага обёрточной фактуры, с текстом на ротапинтере. Финансовые затраты были минимальными. В большинстве случаев всё, что производилось, делалось на добровольных началах. Так же происходит в большинстве случаев и в современной России. Именно это и послужило причиной усталости Группы. Это была активистская инициатива. Люди собирались вместе, обзванивали друг друга и своих друзей, знакомых интеллигентов, семьи заключённых, выходили на площадь и что-то делали. Для того чтобы изготовить гигантскую коробку, склеить её из нескольких кусков картона, как вы понимаете, серьёзных финансовых вложений тоже не нужно. Это была энергия энтузиазма, добровольного действия, самоорганизации.

Полина Вахотина:

Как Фуко оценивал деятельность Группы уже после того, как, например, книгу опубликовал? Его ведь спрашивали, наверное, об этом.

Александр Бикбов:

Да, спрашивали. Фуко был вынужден констатировать, что тюрьма не реформируема. Именно с этого начали участники Группы информации по тюрьмам. И именно это говорил Фуко каждый раз, когда у него брали интервью несколько лет спустя. Действия тюремной администрации, которая ужесточила, а не смягчила условия, провела реформу отделения наиболее опасных преступников от менее опасных, были естественны для тюремной системы. Тюрьма не реформируема. Она продолжает претендовать на исправление, по сути занимаясь всё большей деформацией индивида.

Елена Баженова:

Это был единственный такой случай в его жизни? Больше он не участвовал в подобных инициативах?

Александр Бикбов:

В таких – нет. Он участвовал, например, в движении в поддержку польской «Солидарности» и в качестве водителя ездил на грузовике в Польшу с провиантом для членов «Солидарности». Это продолжалось в течение года. Он также ездил в Иран, потому что счёл, что иранская революция была освободительной. До какого-то момента он в это верил. Время от времени он совершал некоторые политические действия, которые были неразрывно связаны с его интеллектуальным отношением к истине. Это специфическое отношение к истине хорошо видно на примерах истории Группы информации по тюрьмам 71-72 годов. Переживание истины носит неотделимо теоретический и активистский характер. Истина – это то, с чем ты встречаешься и что переживаешь непосредственно.

Роман Солоухин:

Занималась ли Группа информации по тюрьмам проблемами иммигрантов?

Александр Бикбов:

Нет, в том числе и потому, что в тот момент массовая иммиграция во Францию только начиналась. Доля иммигрантов, попадающих во французские тюрьмы, была незначительна. А те, кто там оказывался, были недостаточно грамотными, чтобы участвовать в такого рода обменах с внешним миром. Это была малосоциализированная фракция французского населения. Отчего этот вопрос был исключён по факту. Просто не было в полученных анкетах анкет, заполненных иммигрантами из арабской среды или из африканской.

Роман Солоухин:

Фуко выделялся на общем фоне?

Александр Бикбов:

Он был кабинетным учёным, но покидал свой кабинет. И он, безусловно, выделялся на фоне остальных. Например, Видаль-Наке после 1968 года, который

он провёл в Париже, в отличие от Фуко, вернулся к кабинетной работе и в дальнейшем принимал участие в подобных инициативах скорее как почётный представитель. Фуко же не стеснялся кидаться булыжником, если пользоваться такой метафорой. Хотя были моменты, когда это переставало быть метафорой. Пару раз его забирали в отделение полиции.

Полина Вахотина:

В кого он кидался-то?

Александр Бикбов:

В полицейских.

Елена Баженова:

Что меня всегда поражает, так это то, что в Европе, в частности во Франции, о которой Вы сегодня рассказывали, можно достаточно легко вовлечь достаточно большое число людей за достаточно короткий промежуток времени в такого рода инициативы. У нас в стране такие вещи представляются совершенно невозможными.

Роман Евстифеев:

Вы забываете, что французское общество 70-х гг. – это буржуазное общество. Это совсем другое общество, нежели российское. Со стороны Фуко это была явная интеллектуальная провокация в сторону буржуазного общества. Мне кажется, что Фуко и участники Группы информации по тюрьмам во многом сконструировали это знание событий. Некая конструкторская роль интеллектуалов в данном случае очень чётко прослеживается. Они сконструировали знание и бросили его в общество. И оно вдруг появилось. Насколько это знание правдиво, неизвестно. Безусловно, реальные факты в их знании отражены, но всё ли было на самом деле, трудно установить.

Елена Баженова:

Так это прекрасно! Мне это нравится! Мне вообще кажется, что там число таких конструкторов, которые могут что-то сконструировать и изменить, на душу населения больше, чем в России.

Роман Евстифеев:

Я не согласен. Мне кажется, у нас больше таких людей. Просто у нас такое не пройдёт, потому что это неинтересно уже. У нас тоже были примеры конструирования знания, просто оно касалось не заключённых, а всех граждан, которые тоже плохо живут. Например, «Хроника текущих событий», выпускавшаяся советскими диссидентами, – прекрасный конструкторский проект. Может, они в чём-то заблуждались. Но ведь и Фуко мог заблуждаться. Учитывая его комплекс вины и ощущение разрыва со многими традициями, что он стремился изжить, его взгляд мог быть искажённым

Александр Бикбов:

Ещё раз напомню, что Группа стремилась публиковать факты. Причём не в форме рассказа о фактах Мишелем Фуко.

Роман Евстифеев:

Нет, я говорю не о фактах. Фактов в тюрьме можно подобрать сколько угодно, и в жизни можно их насобирать. Дело-то ведь не в этом. В тюрьме наверняка было множество и положительных фактов. Но они выбирали такие факты, которые изображали тюрьму определенным образом. Можно было подобрать другие факты.

Я никого не осуждаю и никого ни к чему не призываю. Я просто говорю, что это

очень интересный эксперимент, такая интеллектуальная провокация. И это было возможно в том буржуазном обществе 70-х годов.

И роль тюрьмы в разных обществах может быть различной. И для разных групп заключённых могли быть различия. Вот вы говорили о разнице между политзаключёнными и обычными. Тюрьма для тех, и для других в России традиционно была разным учреждением. Для одних это было место, где они получают действительно страшные наказания, для политзаключённых – почти интеллектуальный клуб, где они воспитывались, читали, росли и т.д. И выходя из неё, вспоминали её и гордились тем, что они там были.

Александр Бикбов:

Я бы не стал так идеализировать жизнь политзаключённых.

Полина Вахотина:

Они сами её не идеализировали, но по факту это так и было.

Кристина Лихачева:

Я тоже читала истории, что когда к политзаключённым приходили жёны, они с ужасом спрашивали: «Ну как ты? Что с тобой?» А те отвечали: «Ты знаешь, здесь так интересно. Здесь такие люди сидят. Так здорово!»

Александр Бикбов:

Это касалось очень ограниченного числа лагерей, которые «тянули» историю своего существования со старых монастырских времён.

Роман Евстифеев:

А дореволюционные, царские тюрьмы вспомните. Там вообще были отличные условия для политзаключённых. Они там прекрасно себя чувствовали.

Полина Вахотина:

Да. Они тогда бастовали против одинаковых обедов.

Роман Евстифеев:

Этот разговор к тому, что тюрьма может играть разную роль. Буржуазное общество порождает определённый социальный слой, который становится главным населением тюрьмы, перерабатывается там и вновь туда попадает.

Александр Бикбов:

Но тенденции перекрывают различия между обществами. Тот же самый социальный типаж «идеального заключённого», имеется сегодня в России, во Франции или в США - за исключением цвета кожи. В любом современном обществе это типаж выходца из социальных низов.

Виктория Жильцова:

Скажите, пожалуйста, Фуко в своих исследованиях рассматривал именно проблему взаимодействия содержащихся в заключении и администрации или ещё и проблему разного контингента? Проблемы в самом тюремном сообществе, если его можно так называть, рассматривались? Или только взаимодействие с администрацией?

Александр Бикбов:

Даже не столько взаимодействие с администрацией, сколько пребывание в поле власти тюремной администрации.

Я поясню: в тот момент нельзя было рассчитывать на доступ в стены тюрьмы. Они не могли наблюдать за «тюремным сообществом». Уже то, что они получили

20 анкет, было достижением.

Виктория Жильцова:

Я имею в виду, сами вопросы формулировались таким образом?

Александр Бикбов:

Я сейчас отвечу. Второй момент состоит в том, что современный тип тюрьмы, который формируется в Западной Европе с XIX века, в принципе не предполагает коллективного содержания в заключении. Тюрьмы, о которых шла речь, были тюрьмами с преобладанием одиночных камер, хорошо просматриваемых надзирателями. В этом смысле есть существенная разница между современной европейской (с начала XX века) и современной российской тюрьмой. В России практикуется преимущественно коллективное заключение.

Полина Вахотина:

Но у них же тоже практиковалось?

Александр Бикбов:

В качестве современной образцовой тюрьмы рассматривается тюрьма с одиночным заключением. Большинство тюрем стремятся именно к этому образцу.

Роман Евстифеев:

Вот такой вопрос. А у этих интеллектуалов не возникало такого простого решения познакомиться с порядками тюрьмы, так сказать, изнутри, попав туда?

Александр Бикбов:

Это ведь не был чисто исследовательский проект.

Полина Вахотина:

Я прямо как про декабристов узнала впервые в жизни.

Елена Баженова:

Да, в самом деле. Мы достаточно плохо знаем историю и реальную, и интеллектуальную. Мне кажется, такие встречи важны, потому что люди без истории – это не люди.

Полина Вахотина:

Жалко, что эта история не наша.

Елена Баженова:

У нас тоже было много интересного, можно и по нашей истории устроить встречу.

Александр Бикбов:

Конференция, которую я в 2006 году устраивал в Москве, была попыткой обеспечить встречу на общей площадке между бывшими участниками событий начала 70-х гг. во Франции и российскими диссидентами разных поколений. Было интересно. К сожалению, материалы самых энергетически заряженных дискуссий с множеством недоумений и откровений, каких-то попыток идти навстречу друг к другу, опубликовать не удалось, но выступления были опубликованы. С ними можно ознакомиться в журнале «Неволя» за 2006 год (10 номер). Я рекомендую вам обратиться к этим источникам. Может быть, позже мы сможем продолжить нашу беседу.

Роман Евстифеев:

Мы поговорили о достаточно привычном российском институте, через который

многие в нашей стране прошли. Взгляд немножко иной, или совсем иной, ненормальный взгляд, очень полезен для понимания всего этого объёма знаний.

Александр Бикбов:

Несомненно. При этом нас и французских интеллектуалов 70-х гг. сближает ощущение, что когда-то любой из нас может оказаться в тюрьме.

Я хочу поблагодарить вас за дискуссию. Мне тоже было интересно разделить с вами этот опыт и услышать ваши реакции и комментарии. Это позволяет ощутить, как, проделав работу, слова вернулись. Это здорово.

Ссылки на текстовые источники

Текст книги Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» в электронной библиотеке «Гумер»:

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fuko_Tyrm/index.php

Некоторые материалы Группы информации по тюрьмам, опубликованные в журнале «Индекс»:

<http://www.index.org.ru/journal/7/fuko86.html>

Материалы конференции, состоявшейся в Москве в 2006 году, опубликованные в альманахе «Неволя»:

<http://www.index.msk.ru/pdf/nevol-10-2006.pdf>

Публикация в журнале «Неволя» перевода беседы Мишеля Фуко с Робером Бадантером и Жаном Лапланшем о смертной казни, с комментарием Александра Бикбова:

Часть 1 - http://www.index.org.ru/nevol/2006-9/fuko_n9.htm

Часть 2 - http://www.index.org.ru/nevol/2006-9/bikb_n9.htm

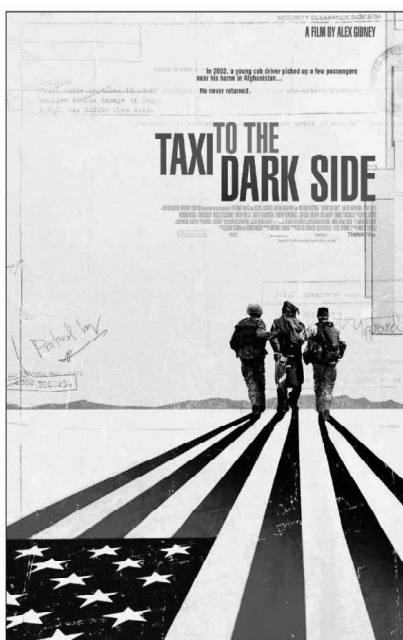
Список рекомендуемых фильмов

Стандартная процедура // Standart operating procedure (США, 2008, 118 мин.)

Режиссер: Эррол Моррис

Гран-при жюри на 58 Берлинале

В 2004 году 12 фотографий из иракской тюрьмы Абу Граиб изменили представление американцев о войне в Ираке. На этих печально знаменитых кадрах были запечатлено, как американские солдаты пытаются и унижают иракских военнопленных. Один важный вопрос тогда так и остался без ответа: являются ли эти фотографии доказательством того, что американские военные практикуют пытки, или это лишь случайные кадры издевательств отдельных солдат? В этой документальной картине режиссер Эррол Моррис пытается ответить на этот вопрос, исследуя тот контекст, в котором фотографии появились на свет. Многие пытались найти неопровержимое доказательство совершенных преступлений. Фильм показывает, что сама тюрьма и есть доказательство.

Такси на тёмную сторону // Taxi to the dark side (США, 2007, 106 мин.)

Режиссер: Алекс Гибни

Премия «Оскар»: «Лучший документальный фильм»

В декабре 2002 года такси с афганским водителем и тремя пассажирами было остановлено афганской милицией. Двадцатидвухлетний Дилвар, водитель такси, был доставлен в бывший развлекательный комплекс Баг-рам, перестроенный в американскую тюрьму. А пять дней спустя Дилвар был убит. Дилвар или «задержанный номер 421» не первый, кто умер в застенках Баграма – неделей раньше был до смерти забит мулла Хабибулла. Режиссер Алекс Гибни связывает рассказ о смерти Дилвара, с известными чудовищными фактами издевательств в Гуантанамо Бэй и событиями в тюрьме Абу Граиб, и доказывая, что эти жуткие истории вовсе не являются случайными фактами,

этой картиной обвиняет американскую военную машину в неофициальном разрешении командования применять пытки по отношению к пленным и арестованным.

Эксперимент/Das Experiment (Германия, 2001, 115 мин.)

Режиссер: Оливер Хиршбигель

Фильм основан на реальном эксперименте, который проводил американский социальный психолог Филип Зимбардо. «Стэнфордский тюремный эксперимент» - наверное, самый известный из экспериментов в социальной психологии.

Сюжет таков - в ходе научного эксперимента группа обыкновенных людей добровольно становятся на две недели «заклученными» тюрьмы, в то время как другая группа таких же добровольцев становятся «надзирателями». Задача первых – соблюдать правила тюремного режима; задача вторых - поддерживать порядок. Но человеческая природа берет свое и эксперимент выходит из-под контроля: под бесстрастными взглядами ученых надзиратели упиваются властью, унижая заключенных, и в тюрьме назревает бунт.

Манифест Группы информации по тюрьмам

Размноженный на ротаторе манифест, подписанный Ж.-М. Доменаком, М. Фуко и П. Видаль-Наке, М. Фуко прочитал и предоставил прессе 8 февраля 1971 года, после окончания голодовки членов Левой пролетарской и членов комитета в их поддержку.

Ни у кого из нас нет уверенности в том, что он избежит тюрьмы. И сегодня такой уверенности еще меньше, чем когда-либо. Наша повседневная жизнь втиснута в полицейские клетки: они возводятся на городских улицах и на шоссе, вокруг иностранцев и молодежи; снова убеждения объявлены преступлением - меры против наркотиков умножают произвол. Мы живем под знаком «надзора». Нам говорят, что правоохранительная система перегружена работой. Это мы видим. А если перегружает ее именно полиция? Нам говорят, что тюрьмы перенаселены. А если население перепосажено?

О тюрьмах публикуется мало информации: это - одна из закрытых областей нашей социальной системы, одна из черных дыр нашей жизни. Мы имеем право знать, мы хотим знать. И потому мы, вместе с судьями, адвокатами, журналистами, врачами, психологами, создали Группу информации по тюрьмам.

Мы ставим себе целью узнать, что есть тюрьма: кто туда попадает, как и почему туда попадают, что там происходит, что такое жизнь заключенных, а также жизнь персонала, что представляют собой здания, как там питаются, как соблюдается гигиена, как применяются Правила внутреннего распорядка, как осуществляется медицинский контроль, как поставлена работа мастерских, как оттуда выходят и что значит в нашем обществе быть одним из тех, кто оттуда вышел.

Эти сведения мы будем извлекать не из официальных отчетов. Об этом мы будем спрашивать тех, кто имеет собственный тюремный опыт в каком бы то ни было качестве или связан с тюрьмой. Мы просим их войти с нами в контакт и сообщить нам то, что им известно. Мы предоставим составленную нами анкету. Результаты будут опубликованы, когда мы соберем достаточное количество ответов.

Мы не собираемся предлагать тюремную реформу. Мы только хотим, чтобы стало известно действительное положение. И становилось известно немедленно, почти день в день, так как время не ждет. Наше дело - встревожить общественное мнение и не давать этой тревоге угаснуть. Мы постараемся использовать все средства информации: ежедневные, ежемесячные и те, что выходят два раза в месяц. Мы призываем откликнуться всех, кто располагает подходящей трибуной.

И наконец: полезно знать, что нам угрожает, но так же полезно знать, как защищаться. Одной из наших ближайших задач станет издание маленького Руководства идеального задержанного, естественно, в паре с Памяткой для задерживающих.

Всех, кто желает предоставить информацию, получить информацию или участвовать в работе Группы, просим обращаться по адресу: ГИТ, улица Вожапар 285, Париж XV.

Перевела Н.Малыхина

Публикация по материалам журнала «Индекс»: <http://www.index.org.ru/journal/7/fuko86.html>

Об организаторах

МОЛОДЕЖНАЯ ПРАВООЗАЩИТНАЯ ГРУППА «СИСТЕМА КООРДИНАТ» (Г. ВЛАДИМИР)

МПГ – это владимирское отделение известной межрегиональной общественной организации «Молодежная Правозащитная Группа», существующей с 1998 года. МПГ «СК» действует с 2001 года.

Цели организации:

- Продвижение ценностей Прав Человека, Достоинства Личности, идей толерантности и антифашизма среди молодежи;
- Содействие осуществлению программ по защите Прав Человека и поддержка правозащитного движения в регионе;
- Развитие программ неформального образования в области Прав Человека, межкультурного взаимодействия, миротворчества и противодействия дискриминации и ксенофобии;
- Вовлечение молодежи в гражданскую и правозащитную активность, в добровольческое движение.

Направления деятельности:

- Социальная журналистика и поддержка молодежной прессы.
- Гражданское образование молодежи.
- Действия против ксенофобии – за толерантность и Права Человека.
- Права студентов.
- Поддержка молодежных правозащитных, социальных, культурных, образовательных и других инициатив.
- Издательская деятельность.

Краткая история МПГ «Система Координат»

МПГ «Система Координат» была создана во Владимире группой студентов и молодых преподавателей **в 2001 году**. Первой значительной акцией Группы стал проведенный **в апреле того же года** совместно с Киноклубом «Политехник» *молодежный антифашистский кинофестиваль «Гитлер – капут!?»*.

В сентябре–октябре 2001 года активисты МПГ «Система Координат» совместно с Киноклубом «Политехник» работали по *фестивальному проекту «Твой ход!»*, направленному на популяризацию среди молодежи принципа толерантности.

В июле–августе 2002 года участниками Группы был организован *Летний лагерь лидерства для девушек*, желающих больше узнать о деятельности некоммерческих гражданских организаций и о возможностях личного участия в их работе.

В октябре 2002 – июле 2003 гг. активисты МПГ «Система Координат» осуществили проект «*Социальная реклама*». В результате проекта напечатанные на прозрачной пленке черным шрифтом жизнеутверждающие высказывания классиков были расклеены на окнах владимирских автобусов класса MAN.

В мае–ноябре 2003 года был реализован проект «*СТАРТ – Школа Гражданской Активности и Социальной Архитектуры*», в ходе которого 30 молодых людей смогли поучаствовать во вводном однодневном семинаре-тренинге «Сообщество НКО» и базовом двухдневном тренинге «Основы проектирования».

В сентябре 2003 – феврале 2004 гг. по инициативе активистов МПГ «Система Координат» во Владимире действовал «*Клуб молодых избирателей*». Клубом были организованы встречи молодежи с кандидатами в депутаты Госдумы, уличный опрос «Что определяет мнение большинства?», независимое общественное наблюдение на избирательных участках, в т.ч. силами международных наблюдателей. Вышел в свет тематический выпуск интерактивной молодежной газеты «ДейЛи», посвященный свободе выбора.

В октябре 2003 – мае 2004 гг. Молодежная Правозащитная Группа реализовала проект «*Содружество Гражданских Активистов*», который дал возможность студентам и школьникам г. Владимира принять участие в образовательной программе по двум направлениям: «Социальное проектирование» и «Гражданская журналистика» с последующей 10-дневной стажировкой в НКО города.

В октябре 2004 – марте 2005 гг. участниками МПГ «Система Координат» велась работа по проекту «*Правозащитники на службе населению*». Было проведено исследование правозащитных организаций региона, издан справочник «Неправительственные правозащитные организации Владимирской области», организована конференция «Права человека и правозащитное движение во Владимирской области: проблемы и пути их решения», материалы конференции – опубликованы.

В октябре 2005 – марте 2006 гг. в ходе реализации проекта «*Права студентов – права человека*» было проведено исследование «Проблемы защиты прав человека глазами студентов», результаты которого обобщены и озвучены в рамках круглого стола с участием представителей вузов, администрации области, журналистов.

С февраля по декабрь 2006 года активистами МПГ «Система Координат» осуществлялся проект «*Содружество гражданских активистов – в действии*». В ходе проекта активно работал Молодежный дискуссионный клуб – совместная инициатива Молодежной Правозащитной Группы и Киноклуба «Политехник». В декабре 2006 г. был успешно проведен межрегиональный семинар «Алхимическая революция, или принципы изменения себя и мира». По итогам проекта был издан спецвыпуск газеты «ДейЛи», посвященный свободе слова.

В марте 2007 – феврале 2008 гг. в рамках проекта «*Гражданское просвещение средствами кино*» была организована серия кино- и видеопоказов с дискуссиями («Возвращение в мир женщин» – дискуссия по вопросам гендерного равенства, «Европейская идентичность на пороге XXI века...» и др.), выпущено методическое пособие «Кино против тоталитаризма», проведено исследование молодежных сообществ города, состоялись консультативные методические визиты в молодежные неправительственные организации Нижнего Новгорода и Москвы.

ПРОЕКТ «К НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ СТУДЕНЧЕСТВА – ЧЕРЕЗ ПРОСВЕЩЕНИЕ»

(октябрь 2007 – сентябрь 2008 гг.)

Проект поддержан Посольством Королевства Нидерландов (программа MATRA)

Проект приурочен к 40-летию «Всемирной студенческой революции» 1968 года и призван напомнить студентам о времени, когда университетская среда была пространством, в котором рождались идеи, сталкивались между собой, проникали за пределы стен университета и взрывали все общество. Когда модным было вольнодумство, а студенты и молодые преподаватели задавали тон всей общественной жизни, «двигали» общество вперед своей энергией и энтузиазмом.

Проект предполагает:

- организацию десяти визитов во Владимир и Нижний Новгород ведущих экспертов и общественных деятелей в рамках программы **«Открытая гражданская академия»**. Итоги одного из таких визитов – визита во Владимир социолога Александра Бикбова – представлены в этой брошюре;

- мониторинг наиболее острых проблем студенческой жизни, связанных, прежде всего, с умалением достоинства личности в университетской среде, – путем проведения фокус-групп и анкетирования студентов;

- проведение 24-х заседаний Молодежного дискуссионного клуба во Владимире и Нижнем Новгороде, а также недели «Кино-контр-культура 60-х», с показами культовых лент Жана Люка Годара, Франсуа Трюффо, Бернардо Бертолуччи, Веры Хитиловой и других режиссеров, снимавших в эпоху «Всемирной студенческой революции»;

- издание методического пособия по проведению тематических дискуссий с участием молодежи «Студенческое гражданское движение»;

- организацию двухдневного семинара-тренинга «Действия в защиту общественных интересов».

Подробнее об истории и текущих проектах вы можете узнать на сайте МПГ «Система Координат» – www.vladmpg.hrworld.ru.

Наши координаты:

Почтовый адрес:

600037, Владимир, а/я 11

Телефоны: (4922) 34-69-77

8-910-770-2224

Электронные адреса:

vladmpg@hrworld.ru

elent@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНАЯ СЕТЬ – МОЛОДЕЖНОЕ ПРАВОЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ (МПД)

Это молодые люди и молодежные организации, объединившиеся для:

- формирования нового поколения правозащитников;
- утверждения принципов Прав Человека и общечеловеческих ценностей;
- развития эффективных общественных механизмов защиты Прав и Свобод.

Цели МПД:

- обеспечение взаимной поддержки и совместной деятельности участников Сети МПД;
- развитие профессионального сообщества правозащитников, обеспечение преемственности поколений в правозащитном движении;
- развитие новых механизмов защиты прав молодежи и других групп населения;
- вовлечение молодежи в самую широкую правозащитную, социальную и волонтерскую деятельность;
- поднятие престижа и эффективности правозащитного движения и некоммерческого сектора в целом;
- образование и просвещение в сфере «теории и практики Прав Человека» для широких слоев молодежи;
- укрепление международной солидарности в деле защиты Прав Человека.

Как присоединиться к Сети

Чтобы присоединиться к МПД, нужно запросить анкету по адресу admin@yhrm.org или скачать ее на сайте www.yhrm.org

Подробную информацию о работе МПД Вы можете найти на сайте www.yhrm.org

Административный Центр МПД:
+7 (4732) 94-92-54, +7 (4732) 54-55-30 (факс)
admin@yhrm.org

Организации по защите прав заключённых

Защитой прав заключенных в России занимаются:

Центр содействия реформе уголовного правосудия

Старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания. Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при горячей поддержке академика Андрея Сахарова, который до последних дней своей жизни активно сотрудничал с Центром.

Адрес Центра: 101000, Москва, Лучников пер., д. 4, комн. 7.

Телефоны: (495) 621-09-15.

Факс: (495) 621-10-24.

E-mail: mcpr@front.ru

Веб-сайт: <http://www.prison.org/index.shtml>

Комитет за гражданские права

Комитет за гражданские права является региональной правозащитной благотворительной организацией. Организация была создана в 1996 году. Цель Комитета – защита прав и свобод человека и гражданина в России, оказание социальной и материальной помощи нуждающимся.

Адрес для писем: 127562, г. Москва, ул. Санникова, 7–21.

Адрес приемной: 129224, г. Москва, пр-д Шокальского, д.61 к.1.

Телефон/факс: 478-95-15, 478-08-47.

E-mail: zagrorg@yandex.ru

Веб-сайт: <http://www.zagr.org/>

Межрегиональная Общественная Организация «Комитет Против Пыток»

Комитет против пыток – российская некоммерческая организация, работающая в сфере защиты прав человека. Основным направлением деятельности Комитета вот уже семь лет является юридическая работа с жалобами на применение пыток, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение. Отдельным чрезвычайно важным механизмом защиты нарушенных прав граждан, успешно применяемым Комитетом, является работа юристов-сотрудников Комитета по представлению интересов российских граждан в Европейском Суде по правам человека в Страсбурге. В настоящее время специалистами по европейскому праву Комитета подготовлено и направлено в ЕСПЧ 36 жалоб.

Адрес: Россия, 603001, город Нижний Новгород, улица Кожевенная дом 11, офис 207, 301, 302, 303, 304.

Телефон / Факс: +7 (831) 433-14-04, 433-61-01, 434-34-81.

E-mail: komitet@pytkam.net

Веб-сайт: <http://www.pytkam.net/>

Фонд «В защиту прав заключенных»

Фонд «В защиту прав заключенных» – правозащитная организация. Его создание – это попытка объединить силы людей, так или иначе занимающихся проблемами нарушения прав заключенных. Фонд оказывает помощь тем заключенным, чьи права нарушаются или нарушены, вне зависимости от того, кто они, в какой колонии содержатся, является ли они жертвой судебной ошибки или несут свое наказание в соответствии с законом.

Тел/факс: +7 (495) 974-75-46; 609-92-14; 691-62-33.

Адрес для писем: 125009, г.Москва, Малый Кисловский пер., д. 7, стр. 1, помещение 21

(с пометкой «Для Фонда «В защиту прав заключенных»).

E-mail: info@zashita-zk.org

Веб-сайт: <http://www.zashita-zk.org/>

Союз заключенных

Союз заключённых, который инициирован членами НБП, которые были в заключении. Главная цель – борьба за права и свободы личности в России.

Тел.: 8 (916) 357-36-98.

E-mail: soyuzzekov@gmail.com

Веб-сайт: <http://zeki.su/>, <http://sokamerniki.net/home.php>

Формат 60x84/16. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ВладимирПолиграф»
г. Владимир, ул. 16 лет Октября, д. 36-а